

18+

18+

ТОЛЬКО ДЛЯ  
ВЗРОСЛЫХ

АЛЕКСАНДР СКОПИНЦЕВ

# ЗВЕРИ ВНУТРИ НАС

— САМЫЕ СТРАШНЫЕ ЗВЕРИ ВНУТРИ —

**Александр Скопинцев**  
**Звери внутри нас. Самые  
страшные звери внутри**

*<https://litres.ru/74283672>*

*ISBN 9785007074445*

**Аннотация**

Мир разрушен Великим Сбоем. Земля поделена между «Чистыми» из герметичных Цитаделей и мутантами отравленной Серой зоны. Кай — Чистильщик. Райя — дикая хищница-оборотень. Их встреча должна была стать смертельной. Но когда Корпорация начинает тотальную зачистку, двум сломанным существам придется объединиться.

Возрастное ограничение 18+:

В книге присутствуют откровенные сцены. Здесь страсть такая же дикая и первобытная, как и сам мир Серой зоны.

# Содержание

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| ПРОЛОГ: НОВЫЙ ПОРЯДОК             | 5   |
| ГЛАВА 1: ОХОТА НА ПРИЗРАКА        | 11  |
| ГЛАВА 2: ЗАПАХ НЕНАВИСТИ          | 41  |
| ГЛАВА 3: ФИЗИОЛОГИЯ ЗВЕРЯ         | 70  |
| ГЛАВА 4: ГАСТРОНОМИЯ ЯРОСТИ       | 93  |
| ГЛАВА 5: ПЕРВЫЙ РЕЗОНАНС          | 112 |
| ГЛАВА 6: СДЕЛКА ВЫЖИВШИХ          | 133 |
| ГЛАВА 7: СТАЛЬ И МЕХ              | 158 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 175 |

# **Звери внутри нас Самые страшные звери внутри**

**Александр Скопинцев**

*Иллюстратор* Александр Скопинцев

© Александр Скопинцев, 2026

© Александр Скопинцев, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0070-7444-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# ПРОЛОГ: НОВЫЙ ПОРЯДОК

Земля больше не помнила, какой она была до Великого Сбоя. И дело крылось не в хрупкости человеческой памяти, сгнившей изнутри, словно сердцевина мёртвого дерева. Сама планета — её плоть, насквозь протравленная тяжёлыми металлами, её мёртвые реки и густой, царапающий горло воздух — изменилась настолько радикально и необратимо, что прежняя реальность истлела до состояния археологического мифа. Осколки старого мира торчали из-под толстого слоя токсичной копоты нелепыми, изъеденными ржавчиной костями. Планета выжила. Она просто переварила цивилизацию, но то, что с утробным чавканьем возродилось на её руинах, подчинялось совершенно иной, пугающей биологической логике.

Небо над бескрайними пустошами Серой зоны давно утратило первозданную синеву. Спустя сто двадцать лет после катастрофы атмосфера всё ещё захлёбывалась ионным маревом — плотной взвесью заряженных частиц, которую Земля силилась, но так и не смогла выблевать. Это марево висело над горизонтом тяжёлым, бледно-лиловым саваном; оно ломало перспективу, превращая далёкие силуэты в дрожащие, маслянистые миражи. По ночам небеса источали холодное, безжизненное сияние. Оно отдалённо напоминало полярное, но не несло в себе ни капли красоты — лишь

глухую, вибрирующую по нервам тревогу.

Природа, загнанная в угол, ответила на катастрофу агрессивной, почти барочной избыточностью. Мутаген, получивший сухое имя «Адаптив», не выбирал мишеней. Он просочился всюду, став незримым, безумным архитектором новой биосферы: растворился в мёртвой воде, вьелся в почву, осел в лёгких с каждым судорожным вдохом. Растения обрели хищную жёсткость. Белая кора мутировавших берёз теперь бугрилась чёрными прожилками, точь-в-точь как вздувшиеся кровеносные сосуды под остывающей кожей. Ели сбросили бесполезную мягкую хвою, ошетилившись длинными, в палец толщиной, костяными шипами — и это была не защита от травоядных, а прямой, агрессивный ответ на среду, насквозь пропитанную насилием. Из трещин на стволах кустарников сочилась густая янтарная смола, застывающая кривыми натёками, похожими на изогнутые когти хищника. Даже трава у корней налилась тёмно-бордовым, почти чёрным цветом и теперь хрустела под подошвами с тошнотворным звуком ломающихся хрящей. Эволюция сорвалась с цепи: животные стали крупнее и злее, а микроорганизмы обрели поистине дьявольскую живучесть.

Человечество же треснуло пополам, породив два непримиримых, ненавидящих друг друга вида.

Первые — те, кто в месяцы Великого Сбоя сжимал в кулаках власть, ресурсы и технологии, — успели отгородиться от быющего в агонии мира тяжёлыми гермозатворами.

Они воздвигли Цитадели: колоссальные монолитные города-крепости. Внутри царил маниакальный, стерильный порядок. Воздух с шипением прогонялся через многоуровневые фильтры, вода подвергалась абсолютной очистке. Они гордо нарекли себя «Чистыми» и теперь оберегали свою генетику с религиозным, фанатичным исступлением. На всё, что копошилось за толстыми бронированными стёклами их наблюдательных вышек, они взирали со смесью безразличия и первобытного, животного ужаса — как смотрят на гниющий чумной барак.

Остальные остались снаружи. Брошенные на растерзание «Адаптиву». Вирус безжалостно взломал их ДНК, вскрыл генетический код и переписал его наживую, не спрашивая согласия. Многие не пережили первую ночь трансформации, захлебнувшись собственным безумием, но большинство всё же выжило. Их разум остался человеческим, искрящимся прежними эмоциями, но тела исказились навсегда. Обитатели Цитаделей презрительно клеймили их «Вторыми» — словом, отдающим заводским браком и дешёвым запасным вариантом. Сами же изгнанники, приняв кровавые правила новой игры, называли себя коротко и весомо: стоя.

Их биология превратилась в шедевр смертоносной адаптации. Природа всучила им дар трансформации — процесс чудовищный и невыносимо болезненный. Лимбическая система, реагируя на резкий удар адреналина и кортизола в момент угрозы, срывала стоп-краны и запускала активацию

спящих мутационных последовательностей. Менее чем за минуту человеческое тело ломало само себя: суставы с влажным, хрустящим треском выворачивались и неестественно удлиннялись. Ногти мгновенно каменели, вытягиваясь в кривые роговые когти. Человеческое лицо до последнего судорожно цеплялось за прежние черты, пока глаза не заливал тот самый — третий, потусторонний нечеловеческий свет. Сквозь кровоточащие дёсны с хрустом прорезались новые хищные клыки, с силой выталкивая изо рта прежние, человеческие зубы. Кожа стремительно темнела, обрастая густой матовой шерстью, а вдоль выгнутого дугой позвоночника и на плечах намертво смыкались непробиваемые чешуйчатые роговые пластины.

Эта метаморфоза сжигала колоссальные объёмы энергии. Связки и мышцы рвались с влажным звуком и тут же зарастали за секунды, требуя немедленного, яростного пополнения калорий. Дикий, сводящий с ума, всепоглощающий голод становился платой за нечеловеческую силу и регенерацию. Обратный процесс — стягивание зверя обратно в человеческую оболочку — давался ничуть не легче, оставляя тело дрожащим, опустошённым и выжатым досуха.

Цитадели не собирались делить истерзанную планету с новым доминирующим видом. Корпорация, державшая в стальной хватке всех «Чистых», выстроила систему тотального биологического контроля, работающую сухо, без сантиментов и лишних вопросов. Небо непрерывно резали пат-

рульные дроны, равнодушно фиксирующие оптикой тепловые аномалии и растерзанные в клочья останки. А по земле скользили Чистильщики — оперативники, чья человечность была планомерно, хирургически точно выжжена жесточайшей психологической дрессурой. Из их голов пинцетом извлекли сомнения, сочувствие и привязанности, оставив на их месте лишь идеальную, отлаженную функцию машины для убийства. Их натаскивали читать следы мутантов по сломанным веткам и каплям крови, различать виды по морфологии тел и применять ультразвуковые гранаты, разрывающие гиперчувствительные барабанные перепонки «Вторых» в кровавую кашу.

Но главным орудием геноцида стало серебро.

Официально именуемый «дефолиантом биомутантных форм жизни», аэрозольный синтетический серебряный изотоп навсегда въелся в историю как Серебряный туман. Для нежных жителей Цитаделей он был безвреден, но для тех, чья кровь бурлила «Адаптивом», он становился абсолютной, неизбежной смертью. Туман, резко пахнувший холодом, жжёным металлом и озоном, оседал на горячей коже и проникал в лёгкие. Серебро намертво блокировало регенерационные ферменты мутантов, обрывало процессы заживления и заставляло живые ткани гнить прямо на костях. Любая, даже малейшая рана, нанесённая серебряным боеприпасом, превращала стремительную регенерацию «Вторых» в бесконечную, пылающую агонию. Она ломала мучительный процесс

обратной трансформации, оставляя жертву биться в судорогах, уязвимой и беспомощной, застрявшей уродливым комком плоти между двумя формами.

Так выковался новый баланс этого искалеченного мира. Мира, где снег лежал мёртвой, едкой химической белизной, скрывая под собой пропитанную ядовитым туманом, гниющую землю. Мира, где пролитая на мороз кровь резко пахла ржавым железом и застывала под ногами ломкой, стеклянной коркой. Мира, рассечённого надвое глухими бетонными стенами, бездушными протоколами зачисток и кипящей биологической ненавистью, где выживание любой ценой стало единственной религией для обеих сторон.

# ГЛАВА 1: ОХОТА НА ПРИЗРАКА

Завод «Авангард» умирал мучительно и долго.

Это читалось в самой фактуре его распада — не было ни внезапного обвала, ни спасительного взрыва, ни единственного катастрофического удара, способного оборвать агонию. Он гнил заживо, как и все брошенные человечеством места: слой за слоем, зима за зимой, пока исполинский памятник индустриальной воле не превратился в безымянную, сочащуюся слизию аномалию. Это были не руины. Руины подразумевают статичность, трупное окоченение. Здесь же шёл непрерывный, тошнотворный процесс пищеварения — органическое пожирало неорганическое.

Северный корпус лишился крыши первым, около тридцати лет назад — кольца рыжей, въедливой коррозии на срезах двутавровых балок читались как годовые кольца мёртвого леса. Снег за эти десятилетия набился внутрь исполинским ледником, спрессовался под собственной тяжестью и выродился в грязно-серый фирн. В эту монолитную глыбу намертво впаялись искорёженные листы кровельного железа, мотки высоковольтных кабелей и почерневшие остовы птичьих гнёзд. Над ледяной коркой, словно покосившиеся надгробия, торчали обломанные глотки вентиляционных шахт. Мутировавший плющ захватил три четверти внешних стен. Его стебли, толстые и жилистые, как предплечья взрослого

мужчины, пульсировали тёмными соками. Листья напоминали вытянутые уродливые ладони с острыми, хитиновыми наростами на кончиках пальцев. Плющ слепо полз внутрь сквозь пустые глазницы окон, медленно, с хрустом разламывая кирпичную кладку. Корни твари уходили глубоко в фундамент, а на случайном срезе выглядели как распиленная берцовая кость — плотные, влажно-белёдые, с концентрическими кольцами роста.

Южный корпус держался из последних сил. Крыша здесь ещё цеплялась за стропила, зияя рваными ранами, сквозь которые зимой снег падал ровными, призрачными столбами. У пола он таял, превращаясь в крошечные лужицы, и тут же схватывался льдом. Оконные рамы — перекошенные, изъеденные ржавчиной кресты с торчащими пучками иссохшей уплотнительной пены — давно лишились стёкол. Пол главного цеха покрывал сплошной хрустящий ковёр. Десятилетия мороза и ветра обработали битое стекло: одни осколки скалились острыми гранями, другие стёрлись в матовую, округлую гальку, хрустящую под ногами. Под стеклом угадывался изрезанный паутиной трещин бетон. В этих шрамах проросло нечто тёмное, густое, маскирующееся под мох. Оно не издавало запаха, но при малейшем касании кололо кожу жёсткими, как ржавая проволока, ворсинками.

Кай вошёл в южный корпус через второй ярус.

Он выбрал этот маршрут не ради банальной скрытности, хотя и она имела вес. Он шёл здесь, потому что его мозг хра-

нил точную проекцию объекта. Сорок восемь часов назад, в стерильной тишине бункера, Кай впитал в себя каждую линию старых корпоративных чертежей, каждую тень на спутниковых снимках и сухие сводки наземной разведки. Второй ярус давал идеальный сектор обстрела: оба входа в главный цех и технические кишки переходов как на ладони. Это давало время. А в ремесле Кая только время имело абсолютную, непреерекаемую ценность.

Узкий металлический помост второго яруса тянулся вдоль западной стены, цепляясь за бетон четырьмя анкерами. Три сидели намертво. Четвёртый, у северного угла, наполовину вырвало из кладки, и решётчатый пол в этом месте угрожающе просел вниз на тридцать сантиметров. Кай перетёк через опасный участок плавно, скользяще, перенося весь вес тела на правую ногу, не позволяя металлу даже скрипнуть.

Он двигался тихо.

Не бесшумно — абсолютная тишина существует только в сказках для новобранцев. Кай двигался так, как скользит в масле идеально подогнанный механизм, отсекающий малейшую погрешность. Каждый шаг начинался с мягкого касания носка, вес перетекал в стопу без малейшего толчка. Тяжёлые тактические ботинки с усиленным носком и хищным протектором словно слились с его нервной системой. Они впитали в себя грязь, кровь и пепел стольких рейдов, что стали продолжением его костей.

Снаряжение он надел три часа назад. В тусклом, мерцающем свете бункера, без лишних движений, методично вщёлкивая фастексы и затягивая ремни. В этой механической подготовке крылась своя мрачная литургия, молитва атеиста перед спуском в ад. Модульный бронежилет плотно обхватывал торс, усиленные пластины прикрывали сердце и позвоночник, оставляя руки абсолютно свободными. Поверх ложилась разгрузка — тугая, сбалансированная: карманы тяжелели от серебряных зарядов, гранат, шприц-тюбиков аптечки и запасных магазинов. На бёдрах покоились кобуры. Слева — пистолет для грязной работы в упор. Справа — тяжёлый шприц-пистолет, заряженный нейропаралитиком на серебряной основе. Для тех случаев, когда Корпорации требовалось мясо с бьющимся пульсом. Шлем облегал голову до самой шеи, визор мерцал в ожидании. Тепловизор, ночное видение, тактический аналитический оверлей, считывающий температуру, дистанцию и скорость. Ничего лишнего.

Главный аргумент — крупнокалиберная снайперская винтовка под серебряный 12,7 — висела на тактическом ремне поперёк груди. Тяжёлая, хищная глыба оружейной стали. Кай давно не воспринимал её вес как обузу; она вросла в его физиологию. Без её давящей тяжести он чувствовал бы себя калеккой. Ствол смотрел в пол, предохранитель щёлкнул в положение «огонь», указательный палец замер на спусковой скобе, готовый скользнуть к крючку. Поза хищника: вооружён, расслаблен, смертоносен.

В левой, затянутой в тактическую перчатку руке, он сжимал детектор движения. Маленький прямоугольник послушно сканировал пространство в радиусе пятидесяти метров. Экран светился успокаивающей пустотой — ни одного теплового пятна крупнее крысы.

Кай замер у перил просевшего перехода и бросил взгляд вниз.

Главный цех напоминал распоротое брюхо механического левиафана — сто метров в длину, сорок в ширину. Вдоль почерневших стен выстроились ржавые скелеты станков. Торчащие из пола крепёжные болты выглядели как обломанные зубы. По центру тянулась мёртвая река конвейерной ленты. Изъеденные коррозией цепи всё ещё покоились в пазах направляющих, удерживая на себе безымянные металлические прямоугольники — слишком громоздкие для деталей, слишком простые для готовых механизмов. Ржавчина сожрала их форму, превратив в бугристые, бесформенные опухоли.

В дальнем, сыром углу, прямо из бетона рос гриб.

Кай уже встречал подобные штаммы — мутировавшие базидиомицеты, чья ДНК под ударами «Адаптива» зациклилась на постоянной, агрессивной биолюминесценции. Исполинская, в сорок сантиметров, шляпка пульсировала бледным, трупно-голубым светом. В крошечной тьме цеха этот холодный ореол выхватывал из мрака лишь метр мёртвой почвы у корней, оставляя всё остальное во власти густых теней.

Кай моргнул, активируя тепловизор.

Реальность выплела, сменившись резкой палитрой холодных спектров. Сам гриб тлел слабым, болезненно-тёплым пятном — живой, питающийся радиацией организм. В дальнем конце ленты мельтешили крошечные оранжевые искры — мыши, чья эволюция зашла так далеко, что от прежних грызунов остался лишь размер. Больше ничего. Пустота.

Он вскинул голову к пробитой крыше.

Сквозь три рваные дыры в металле бесшумно осыпался снег. В тепловизоре эти ледяные крупинки чертили по серому фону глубокие чёрные штрихи. Снаружи мир казался ещё темнее, чем внутри: ионное марево, укутавшее планету, рассеивало остатки дневного света так равномерно и мертво, будто само небо излучало бледную, предсмертную усталость. Кай отключил тепловизор. Оптика шлема переключилась в базовый режим — хватало и того слабого свечения, что падало сверху.

Правая рука медленно скользнула к нагрудному карману куртки.

Пальцы безошибочно нащупали цепочку старого серебра. Она давно потеряла благородный блеск, истёршись о ткань. Кай вытянул часы. Они легли в ладонь, отдавая металлической прохладой и той особенной, успокаивающей тяжестью — весомостью вещи, которая пережила с тобой столько крови, что перестала быть просто куском механизма.

Он зажал головку между большим и указательным паль-

цами и медленно, с лёгким усилием, сделал оборот. Затем второй.

Он никогда не затягивал пружину до хруста, до упора — это убивало механизм. Два оборота. Этого хватало на сутки ровного хода. Внутри тусклого корпуса что-то бархатно щёлкнуло, шестерёнки сцепились, и часы ожили.

Звук был почти иллюзорным. Тише шороха падающего снега, тише его собственного сердцебиения. Но Кай впитывал этот звук так, как выживший впитывает глоток воды. В глухой, мёртвой тишине огромного цеха, где даже ледяной сквозняк на мгновение запутался в оконных рамах, это сухое, механическое тиканье встало стеной. Ровное. Неумолимое. Как единственная точка опоры в мире, сошедшем с ума.

Кай убрал часы обратно в карман.

Его рука на долю секунды задержалась поверх плотной ткани на груди — короткое, произвольное давление, микроскопический жест, скрывающий тугую пружину внутри самого Кая. Затем рука резко упала на рукоять винтовки, и он бесшумной тенью скользнул по ступеням вниз.

Под подошвой сухо хрустнула стеклянная крошка.

Он раскинул сеть ловушек ещё два часа назад, едва переступив порог.

Это был его почерк, базовый протокол: вскрыть архитектуру пространства, нащупать нервные узлы, заминировать поле ещё до того, как на нём появится дичь. Три точки в главном цеху, четыре секрета в кишках переходов. Не ради

убийства. Убивать будет он. Ловушки крали время, ломали чужой ритм, дарили ему спасительные секунды.

Первая: натянутый между третьей и четвёртой колоннами силовой трос. Высота — полтора метра. Оплётка щедро пропитана серебряной суспензией. Она не снесёт «Второму» голову, но впечатается в шерсть и плоть, вызвав мгновенную химическую реакцию. Ожог до кости, дикое жжение, паралич регенерации. Идеально, чтобы превратить стремительный бросок хищника в спотыкающуюся агонию.

Вторая: каскад сигнальных мин у второго входа. Три стальных цилиндра, зарытых в мусор. Осколочные рукава с густым серебряным напылением на вольфрамовых шариках. Детонация накроет радиус в пять метров. Для взбесившегося мутанта это не смерть, но вспышка слепящей боли. Если шрапнель войдёт под чешуйчатые пластины — собьёт дыхание. Если ударит в череп — ослепит.

Третья: примитивная яма-капкан у западной стены, замаскированная битым стеклом и припорошенная снежной пылью. Дёшево, но работало безотказно. Тварь не остановится, но провалится, потеряет точку опоры, сломает идеальную дугу прыжка.

Четвёртой ловушкой был сам Кай.

Он врос в позицию за ржавым остовом пульта управления конвейером. Восточная стена прикрывала спину. Броневой щиток станка укрывал грудь. Угол обзора на оба входа и технические арки составлял двести семьдесят градусов.

Идеальная геометрия смерти.

Он застыл в засаде ровно в 16:12.

До того момента, когда мир окончательно утонет в темноте, оставалось сорок минут.

Детектор движения тускло светился на покореженном металле пульта. Взгляд Кая скользил поверх матового прицела винтовки, намертво прикипев к главному входу.

Цех вокруг него тяжело, сипло дышал.

Это не было метафорой: ледяные сквозняки врываются сквозь выбитые окна, сталкивались под потолком, закручивались в спирали, создавая физическое ощущение огромных, холодных лёгких. Воздух лежал слоями. Сверху била по ноздрям минеральная пыль бетона и крошеного кирпича. Глубже перекатывался кислый, царапающий горло привкус ржавого железа. А на самом дне оседало нечто густое, сладковато-органическое: биолюминесцентные споры, гниль старого дерева и, возможно, фантомный запах пота и крови тех, кто заходил сюда месяцы назад. Заходил и остался навсегда.

Кай отсёк эти мысли, как ампутируют гангрену.

Его мозг работал в режиме баллистического калькулятора. Сектор обстрела от первой до третьей колонны — тридцать два градуса. Дистанция от дверного проёма до натянутого троса — восемь метров. При пиковой скорости «Второго» высшей категории «А» это расстояние схлопнется за полторы секунды.

Полторы секунды.

За это время палец Кая должен выжать спуск дважды. Первый заряд — 12,7 миллиметров с серебряным сердечником — ударит по ногам, дробя суставы и сбивая инерцию. Второй выстрел, с поправкой на падение тела, войдёт в голову или основание шеи.

Он прокрутил эту математическую модель в голове двадцать три раза. В его психологии выживания не было места воображению, страху или предвкушению. Только сухие, бездушные цифры. Секунды, метры, градусы, граммы серебра. Он сужал реальность до тех пор, пока в ней не оставалось ничего, способного заставить его дрогнуть.

Детектор движения на пульте молчал.

Сквозь рваные раны в крыше монотонно падал снег.

Биолюминесцентный гриб в дальнем углу наливался ровным, мертвенно-голубым светом.

В 16:31 детектор коротко, по-змеиному пискнул.

Сигнал пришёл из северного корпуса.

Кай не пошевелился — лишь правое плечо едва заметно опустилось, когда он перенёс вес на локоть, до миллиметра выверяя линию ствола. Экран детектора пульсировал одной тепловой сигнатурой. Огромной. Существо было значительно массивнее человека, а температура его поверхности зашкаливала за сорок градусов. Лихорадочный, бешеный метаболизм — верный признак «Второго» в активной фазе трансформации.

Тварь двигалась медленно.

Слишком медленно.

В этой неторопливости крылось нечто неправильное, чужеродное. «Вторые» категории «А» не гуляли вразвалочку по незнакомой зоне. То, что обычный человек принял бы за «медленный шаг», у высокорангового мутанта превращалось в бесшумное скольжение, при котором ни один сустав не смел издать и звука. Эта же сигнатура перемещалась рваными толчками. С паузами. С едва заметными отклонениями от прямой, словно пьяный или раненый зверь.

Либо оно не подозревало о засаде и никуда не торопилось.

Либо знало всё и умело разыгрывало спектакль, заманивая охотника.

Кай оставил этот вопрос открытым, не позволяя себе роскоши гадать. Сигнатура замерла на пороге перехода между корпусами, выждала пять секунд — бесконечно долгих в этой тишине — и вдруг рванула с места. Детектор захлебнулся, не успевая обновлять данные, а в следующую секунду цех содрогнулся.

Это были не шаги.

Это был удар.

Южная стена в двадцати метрах от Кая вспучилась и лопнула. Не от направленного взрыва, а от сокрушительного, точечного тарана такой мощи, что старые кирпичи брызнули внутрь облаком острой крошки и пыли. В рваную брешь метра полтора шириной влетело что-то исполинское — тёмное,

стремительное, вытянутое в струну. Кай уже вёл ствол туда, где по законам физики должна была приземлиться цель, но её там не оказалось.

Существо было под самым потолком.

Безумный прыжок с разбега — семнадцать метров по диагонали через весь зал с отталкиванием от вертикальной стены под острым углом. На фоне тусклого мерцания верхних проёмов Кай успел запечатлеть этот силуэт: двухметровое тело, застывшее в горизонтальном полёте, лапы широко распахнуты. Одна пятипалая кисть с выпущенными когтями направлена вперёд, другая — судорожно ловит баланс. В этой геометрии не было ничего от человека или зверя. Совершенный, смертоносный снаряд, выпущенный рукой, не знающей промаха.

Кай ушёл в перекат.

Рефлекс, вплавленный в костный мозг сотнями кровавых стычек, сработал раньше осознанной мысли. Три резких кувырка влево, подальше от линии атаки. Винтовка прижата к груди, чтобы не сбить прицел. Приземление на одно колено, мгновенный выход в стойку. Там, где он лежал мгновение назад, стальной пульт управления весом в добрый центнер превратился в смятую, искореженную лепёшку. Всего один удар лапой.

Тварь приземлилась за конвейером, по инерции прочертила когтями по бетону ещё три метра, замерла с пугающей грацией абсолютного контроля и резко обернулась.

Кай приник к окуляру.

Тепловизор истошно орал оранжевым: существо буквально полыхало. Сорок два градуса на поверхности кожи. Это была не лихорадка — это была пиковая боевая форма, когда метаболизм выкручен на максимум, а каждая клетка мышц перенасыщена электричеством готовности.

Оно не бросилось в атаку.

Оно стояло.

И в этом неподвижном ожидании было нечто более жуткое, чем в прыжке: тварь изучала его. Голова медленно, почти по-птичьи, склонилась набок — пугающе человеческий жест на этой искажённой морде. Ноздри мелко задрожали, вытягивая воздух. Оно пробовало его на вкус, считывало запахи, собирая информацию с такой полнотой, какая недоступна ни одному человеческому органу чувств.

Кай замер, превратившись в камень.

Двенадцать метров.

Тяжёлый серебряный заряд на такой дистанции превращал плоть в фарш, если удастся нащупать уязвимое место. Беда в том, что мутант был закован в костяную броню почти целиком: массивные пластины закрывали позвоночник, плечевой пояс, локти и часть грудины. Оставались лишь бёдра, подмышки, шея — если подставится — и живот. Но двенадцать метров по горизонтали не давали нужного угла для выстрела снизу.

Он метнул гранату.

Ультразвуковой цилиндр, почти невесомый, полетел по идеальной дуге. Существо среагировало до того, как снаряд преодолел половину пути: резкий прыжок в сторону, горизонтальное отталкивание от стены. Весь маневр занял доли секунды.

Граната звякнула о бетон там, где тварь стояла миг назад. Незримый удар ультразвука Кай ощутил даже через активные фильтры шлема — в ушах возникло давящее чувство, будто по обеим сторонам головы разом хлопнули в ладоши. Для чуткого слуха «Второго» это было сродни удару кувалдой по черепу. Существо дёрнулось, нелепо прижав когтистую лапу к уху. Утробный, вибрирующий рокот, доносившийся от него, сорвался, стал выше, злее, потеряв ровный ритм.

Три секунды дезориентации. Кай уже сорвался с места, петляя вдоль конвейера к третьей колонне, где был натянут трос. Краем глаза он видел, как мутант яростно мотнул головой, сбрасывая оцепенение, и с рыком кинулся вдогонку. Оно было быстрее. Намного быстрее.

Это входило в план. Кай не бежал от него. Он бежал в ловушку.

Сам он нырнул под трос на уровне пояса — он знал каждый миллиметр этой нити. Существо, ослеплённое яростью и болью, несло следом, не замечая тонкой преграды, подёрнутой инеем. Оно влетело в трос грудью.

Серебряная взвесь сдетонировала при контакте. Без огня,

без дыма — лишь ослепительная химическая вспышка на коже под шерстью, похожая на россыпь электрических искр. Тварь инстинктивно отпрянула, обжигаясь о яд, и стальная нить лопнула под чудовищным напором. Ритм был сломлен. Существо качнулось, сделало лишний, неуклюжий шаг.

Выстрел.

Кай нажал на спуск, уже разворачиваясь всем корпусом. Серебряный заряд калибра 12,7 вгрызся в левое плечо — чуть ниже костяного нароста, где шерсть была густой и мягкой. Дробь веером разошлась под кожей. Мутант взвыл и рухнул на одно колено, подминая под себя здоровую лапу.

Оно смотрело на него снизу вверх.

Огромные золотые глаза светились ровным, холодным светом. В них не было боли или звериной злости. Там было нечто иное, для чего в языке Кая не находилось слов. Оценка. Расчёт. За этими зрачками пульсировала мысль — такая же четкая, как его собственная тактическая математика, но замешанная на древних, дочеловеческих инстинктах.

Рокот в груди существа изменился.

Стал тише. Глубже. Это было не предупреждение. Это был приговор.

Существо прыгнуло.

Кай выстрелил в упор — второй заряд ушёл в незащищённое бедро. Попал. Траектория прыжка надломилась, мутант пролетел левее, плечом врезавшись в третью колонну. Бетон треснул, посыпалась крошка, даря Каю ещё одну секунду фо-

ры.

И в этот миг над головой, разрезая тьму, полоснул мертво-белый луч.

Дрон.

Стандартный патрульный Корпорации, лениво следующий по маршруту над промзоной. Он проплыл прямо над дырявой крышей завода на малой высоте. Его прожекторы ворвались в цех тремя параллельными клинками света, ослепительно яркими в этом синем сумраке. Лучи заметались по стенам, по битому стеклу, по конвейеру, на мгновение заливая арену боя тем бездушным, хирургическим светом, который бывает только у машин или мёртвых звёзд.

В этом свете Кай впервые увидел врага целиком.

Не как тактическую цель, не как тепловую сигнатуру, а как живое существо. Двухметровый колосс. Иссиня-чёрная шерсть в лучах прожектора утратила матовость, заиграв металлическим отливом, словно крыло ворона. Костяные пластины на хребте топорщились неровно — виднелись старые, давно заросшие сколы. Гора совершенных мышц, где нет ни грамма лишнего, где каждая связка заточена под одну задачу — убивать максимально эффективно. Это была не тренировка. Это был результат векового естественного отбора.

Морда — короткая, сохранившая пугающие очертания человеческого черепа — медленно повернулась к свету. Зрачки сузились в игольное ушко. Клыки обнажились в рефлекторном оскале от внезапной вспышки.

Красиво.

Мысль мелькнула и тут же погасла, раздавленная профессиональным холодом. Но сам факт её появления был чем-то новым и опасным.

Дрон проплыл мимо.

Белые лучи уползли со стен, возвращая цеху тусклое сияние марево. Гриб в углу продолжал светить своим ровным трупным светом. Дрон не зафиксировал аномалию. Не снился. Система просто передала картинку на сервер, поставив галочку в лог: «Сектор Авангард, визуальный осмотр завершён, отклонений нет».

Миру было плевать на то, что происходило в этих руинах.

Существо не стало ждать. Оно бросилось не на Кая, а к пролому в стене. Быстро, но уже не так грациозно — левая нога заметно подволакивалась, сбивая ритм. Кай выстрелил в третий раз, целясь в спину, в щель между пластинами у лопатки. Есть. Тварь дёрнулась, но инерция и ярость вынесли её наружу. Она проломилась сквозь остатки кладки с тем тяжёлым, окончательным звуком, с каким рушится старая скала.

А потом наступила тишина.

Только ветер выл в пустых глазницах окон.

И в кармане, у самого сердца, ровно и спокойно тикали часы.

Кай медленно опустил ствол, позволяя тяжёлому металлу

стать частью тишины.

Он не шевелился ровно две минуты. Это был не просто расчёт, а введённый под кожу ритуал: после каждого контакта следовала мёртвая пауза. Нужно было дожидаться, пока ледяная волна адреналина начнёт отступать, освобождая место холодному рассудку. Кай чувствовал, как правая ладонь едва заметно вибрирует — мелкая, предательская дрожь уставших мышц, из-за которой мушка прицела лениво выписывала восьмёрки. Торопливость после боя в Серой зоне убивала вернее, чем пуля врага.

Он бросил взгляд на экран детектора. Тепловой след рваными толчками уходил на северо-восток. Тварь хромала; судя по неровной амплитуде сигнала, серебряный осколок глубоко засел в мышцах бедра. Это не было смертельным ранением, способным свалить объект на месте, но серебро блокировало стремительную регенерацию «Вторых». Ткани не срастались, они гнили заживо, превращая каждое движение в пытку. До рассвета эта особь не вернёт себе прежнюю грацию.

Кай привычным, доведённым до автоматизма жестом перезарядил винтовку. Щелчок затвора прозвучал как выстрел в пустом цеху. На ходу он выудил из разгрузки индивидуальный пакет. Предплечье жгло — он даже не заметил, в какой момент острый край битого стекла распорол ткань рукава и кожу. Антисептик вгрызся в рану злой солью. Кай стиснул зубы, заклеил порез пластырем и, не сбавляя темпа, двинул-

ся к выходу.

Снаружи ударил мороз. Тело, разогретое боем и зажатое в тиски тактического костюма, мгновенно среагировало на перепад температур. Кай натянул правую перчатку, которую снимал ради безупречной чувствительности спуска, и плотнее запахнул воротник.

Кровавые пятна на снегу подтверждали данные прибора. Тяжёлые, глубокие оттиски когтей с правой стороны были едва различимы — существо берегло раненую конечность, перенося весь вес на левую сторону. Это была чёткая трасса, ведущая прямо в объятия ночи.

Он преследовал цель около двадцати минут. Патрульный дрон Корпорации, промелькнувший над заводом, давно ушёл по прямой на север. Кай зафиксировал этот маршрут: в Серой зоне машины двигались по жёстким алгоритмам. Если дрон не вызвал группу поддержки, значит, тепловые аномалии в северном квадрате вписывались в кровавую «норму» этого сектора. А то, что Корпорация считала нормой, обычно пахло порохом и разлагающейся плотью.

Следы уводили к северо-востоку, забирая в сторону уродливого редколесья. Там начинались заросли мутировавшего кустарника, чьи ветви в темноте напоминали костлявые пальцы. Тварь либо спасалась бегством, либо отчаянно пыталась сменить маршрут, уводя преследователя от своего логова.

Через семнадцать минут детектор снова подал голос.

На этот раз сигнатур было много. Семь, может быть, восемь — прибор захлёбывался, не в силах вычленить чёткие контуры на таком расстоянии. Пятна были неподвижны. Их температура стремительно падала, приближаясь к фоновой температуре мёрзлой земли. Остывающие трупы.

Кай замер. Одним движением он поднял маску тепловизора и активировал режим усиления остаточного света.

В низине между двумя пологими холмами лежали тела. Он насчитал семерых, прежде чем перестал вглядываться. Это были «Вторые». Некоторые застыли в гротескных звериных формах — горы истерзанных мышц и вздыбленной шерсти. Другие успели откатиться в человеческое обличье перед самой смертью, превратившись в голых, хрупких существ на окровавленном снегу. Над побоищем всё ещё колыхалась белёсая, призрачная пелена. Серебряный туман. Он стлался над трупами, как холодное химическое облако, мерцающая в свете визора.

С момента бойни прошло не больше трёх часов. При таком холоде мелкодисперсное серебро оседало медленно, отравляя всё, к чему прикасалось.

Чистильщики. Работа была проведена хирургически точно и масштабно — не для одиночки. Здесь действовал отряд «Гончих» или сработал вертолётный распыл. Корпорация часто проводила такие внезапные дезинфекции секторов, не ставя в известность оперативников в поле. Стандартная мера по «купированию утечек».

Кай слишком хорошо знал этот почерк. Он сам когда-то был частью этой отлаженной машины уничтожения, пока не оказался по другую сторону протокола.

Детектор пискнул снова, вырывая его из раздумий. Одна сигнатура. Совсем слабая, почти утасяющая, но определённо живая. Она пульсировала в стороне от общей кучи тел, у корней старого, искорёженного дерева, покрытого костяными шипами.

Кай двинулся вперёд, выверяя каждый шаг. Он обходил серебристые завихрения тумана, стараясь не тревожить ядовитую взвесь. Броня защитит, но рисковать остатками фильтров было глупо. Обогнув восточный склон, он вышел к опушке.

Она лежала у корней, свернувшись калачиком, словно пыталась спрятаться от самой смерти.

Человеческая форма вернулась не полностью. На алебастровых плечах и предплечьях ещё темнели пятна грубой чешуи, которые медленно, с болезненным затуханием, втягивались под кожу. Правая кисть застыла в промежуточном состоянии: слишком крупная, с длинными, хищными когтями, которые не желали убираться в пазы. Серебро в крови превращало процесс «отката» в бесконечную пытку.

Девушка была ранена. Тёмное пятно на правом боку, чуть ниже рёбер, жадно впитывало снег. Входное отверстие было аккуратным — пуля или осколок ушли глубоко внутрь. Выхода Кай не увидел. Регенерация «Второго» отчаянно пыта-

лась стянуть края раны, кожа вокруг неё полыхала жаром, но металл внутри блокировал клетки, превращая исцеление в бессмысленную судорогу.

Она дышала. Тяжело, с надрывным всхлипом на каждом вдохе. Было видно, как напрягается её диафрагма, как вздрагивают обнажённые ключицы.

Кай опустил на колено. Прибор показал тридцать шесть и три. Критически низко для её вида. Потеря крови, шок и серебряный токсикоз. Без вмешательства она не дотянет до первых лучей солнца.

Он смотрел на неё целых шесть секунд. Для Кая это была вечность.

Его контракт был прост: найти объект на заводе и доставить в Цитадель. Тот объект был мёртв — он нашёл его тело среди остальных, узнав по следу от своей пули под лопаткой. Формально задание было выполнено. Эта девка не имела к миссии никакого отношения.

Но.

Перед ним была самка. «Вторые» высшей категории женского пола встречались крайне редко. «Чистые» ценили их в полтора раза дороже самцов. У них были уникальные железы, их ферменты регенерации считались эталонными, а данные о стайной иерархии были бесценны. Но Каем двигал не только прагматизм Корпорации. Живой объект мог дать то, что никогда не даст труп: информацию о маршрутах, схронах и тактике северных стай.

Она могла говорить. Если, конечно, захочет.

Кай открыл аптечку. Стандартный набор оперативника не был предназначен для лечения мутантов, но базовые принципы стабилизации были универсальны. Ему нужно было купить время.

Возникла заминка: она была в полусознании, движимая одними инстинктами. Любое прикосновение могло спровоцировать атаку раненого зверя. Кай не стал испытывать удачу. Он взял шприц-пистолет с нейропаралитиком. Серебряная основа препарата заблокирует любую попытку трансформации и погрузит её в состояние между сном и комой на несколько часов.

Он быстро рассчитал дозу. Выстрел в бедро.

Она среагировала мгновенно: спина выгнулась дугой, когти правой руки полоснули воздух в миллиметрах от его лица. Из горла вырвался странный звук — не рык, а тонкий, прерывистый крик, полный боли и обиды. Через секунду химия взяла своё, и её тело обмякло, окончательно сдаваясь.

Кай убрал инъектор. Осторожно перевернул её на спину. Голова девушки безжизненно запрокинулась, открывая линию горла. Кай придержал её за затылок — кожа была влажной и горячей. Осколок серебра блестел в глубине раны, как злой глаз. Извлекать его в полевых условиях, на морозе, было безумием. Он наложил тугую гемостатическую повязку, прижав её ладонью к кровоточащему боку.

Этого хватит на три часа. Не больше.

Он поднял её на руки. Она оказалась неожиданно тяжёлой — плотность мышц «Вторых» значительно превосходила человеческую. В её теле чувствовалась скрытая, дремлющая мощь, даже сейчас, когда она была сломлена. Кай поправил винтовку за спиной, перехватил ношу поудобнее.

Он бросил последний взгляд на поле смерти. Его изначальная цель лежала в пятнадцати метрах — кусок остывающего мяса, который когда-то был высшим хищником. Задание выполнено.

Но то, что он нёс сейчас, было куда важнее любого отчёта.

Кай развернулся на юго-запад. До безопасного бункера — сорок километров по пересечённой местности. Впереди была долгая ночь, снежная мгла и груз, который через час начнёт приходить в себя. Нужно было идти. Быстро.

Он шагнул в разверстую пасть ночи.

Снег под подошвами тактических ботинок не просто скрипел — он стонал, рассыпаясь ледяной крошкой под двойным весом. Позади, в низине, медленно оседал призрачный серебряный саван, укрывая мертвецов. В вышине, за ионным маревом, небо пульсировало тусклым, выцветшим светом, которого едва хватало, чтобы различать очертания уродливых кустарников, но было совершенно недостаточно, чтобы заглянуть в бездну впереди.

Она дышала ему прямо в шею. Глубоко, с влажным надрывом, но уже ровнее — нейропаралитик вытеснял агонию, по-

гружая её в тяжёлое, вязкое забытье. Кай чувствовал кожей жар, исходящий от её тела: тридцать шесть и семь. Температура стабилизировалась. Жизнь зацепилась за этот хрупкий порог и замерла в ожидании.

Кай шёл, превратившись в отлаженный механизм. Он отсекал любые мысли, не имевшие отношения к выживанию. В его голове, словно на тактическом планшете, уже разворачивалась схема бункера: инвентарь, стерильные зажимы, алгоритм извлечения серебра, протоколы подавления на случай, если она очнётся в ярости. Чистая прагматика, лишённая яда рефлексии. Шаг. Выдох. Контроль периметра.

Позади оставались семь изуродованных тел и химический туман, пожирающий их останки.

Дрон вернулся так же внезапно, как и исчез. Он проплыл с севера на юг, монотонно гудя моторами в разреженном воздухе. Его ослепительный луч на долю секунды мазнул по верхушкам кустов всего в сотне метров от Кая, выхватив из темноты обледенелую кору. Не задержался. Не учуял. Бездушному оку Корпорации не было дела до одинокого охотника и его трофея.

Мир вокруг оставался безучастным, как кладбище.

Бункер возник из темноты внезапно, сливаясь с рельефом. Его не находили не потому, что он был глубоко зарыт, а потому, что Кай сам «стёр» его с карт двенадцать лет назад. «Объект 7-Север» официально считался мёртвым куском бетона с исчерпанным ресурсом. В архивах Цитадели

он значился как руина, последняя проверка которой проводилась ещё до того, как деды нынешних акционеров научились ходить. В этом сорокакилометровом массиве только Кай знал, под каким именно слоем мёртвой хвои скрывается стальной зев входа.

Гермозатвор сопротивлялся с утробным скрежетом. Ржавчина, спаянная морозом, не хотела сдаваться, но Кай навалился всем весом на рычаг ручного привода. Никакой электроники, никакой зависимости от капризных сетей — только старая, честная механика эпохи расцвета, созданная, чтобы пережить апокалипсис. И она пережила.

Прежде чем вскрыть основной затвор, он бережно опустил ношу. Он не бросил её на голый металл, а расстелил свой тактический плащ, подложив его под обмякшее тело. Щелчок, натужный стон металла — и он втянул её в затхлое чрево убежища.

За спиной с лязгом сомкнулась сталь.

Бункер выдохнул ему в лицо запахи, которые Кай называл домом: густой аромат оружейного масла, едкая нота ржавчины и застоявшийся воздух, десятилетиями циркулирующий по кругу. Фильтры едва справлялись, выплёвывая в пространство частицы металлической пыли. В углу, на са- модельном столе, сиротливо темнела бутылка граппы — его личный якорь на случай, когда терпение решит окончательно испариться. Не сегодня.

Аварийное освещение — три хаотичные лампы под по-

толком — моргнуло и залило помещение тусклым, тревожным светом.

В центре бункера ждала клетка.

Армированная сталь, прутья толщиной в три пальца. Старые инженеры проектировали её для «Вторых» категории «А», когда те ещё были мифом из сводок. Кай доработал конструкцию сам: серебряное напыление на решётках тускло мерцало, дополнительные засовы скалились снаружи, а нижние крепления были вбиты в монолит пола.

Он уложил её внутрь. Матрас, запаянный в советскую плёнку, пах пылью и вечностью.

Пора было приступать к работе. Серебро нужно было вырвать из её плоти сейчас, пока химия держит её сознание в тисках. Потом цена за каждое движение будет измеряться в вырванных кусках мяса и его собственной крови.

Кай разложил инструменты. Скальпель, зажимы и иглы легли на стерильную салфетку с пугающей аккуратностью могильщика. Каждое движение было выверено, каждая пауза — заполнена тишиной.

Аварийный свет гудел, вибрируя где-то на грани слышимости. Вентиляция всхлипывала, сбиваясь с ритма, и этот неровный звук резал слух сильнее, чем абсолютная тьма снаружи. В иные ночи Кай вставлял в уши наушники и позволял саксофону Колтрейна заглушить этот скрежет, но сегодня музыка была непозволительной роскошью. Сегодня его музыкой должен был стать звон серебра о металл.

Он склонился над раной.

Пальцы в тонком латексе, скользящем по разгорячённой коже, нащупали край инородного тела.

Она не шевелилась, лишь грудь вздымалась рваными толчками. Даже в беспамятстве её тело сохраняло хищную, притягательную симметрию, подчёркнутую чешуйчатыми пятнами на плечах.

Кай начал резать.

Осколок поддался через восемь минут. Маленький, уродливый кусок серебряного изотопа с рваными краями. Кай бросил его в стальную миску — звук удара металла о металл прозвучал как финальный аккорд. Едкий, химический запах серебра мгновенно заполнил тесную клетку.

Регенерация отозвалась мгновенно. Края раны затрепетали, ткани начали стягиваться со скоростью, недоступной человеческому воображению. То, на что у людей уходили недели, у неё занимало часы. Кай обработал края антисептиком и наложил тугую повязку. Простое правило: закрытая рана заживает чище. А он любил чистоту в работе.

Он отошёл к столу.

Щёлкнула кнопка электрической плитки. Это был его единственный каприз, его связь с цивилизацией. Сняв перчатки, он отправил инструменты в дезинфектор и вытянул из кармана часы.

Он положил их на стол перед собой. Несколько секунд просто смотрел, как секундная стрелка мерно рубит время

на куски. Потом взял в ладонь. Холодный корпус постепенно впитывал тепло его кожи, становясь частью его самого.

За прутьями клетки дышала раненая химера.

Её температура поползла вверх — тридцать семь и два. Регенерация вышла на полную мощность. Живой источник информации возвращался с того света. Это было хорошо. Мертвецы не умеют выдавать секреты.

Кай плеснул кипяток в жестяную кружку, заваривая остатки старой заварки, чудом сохранившей аромат. Сел на стул, единственный предмет мебели, не предназначенный для войны.

Его взгляд застыл на бетонной стене.

Там, за бронированными дверями, царила вечная ночь Серой зоны. Там лежал снег, скрывающий изуродованные тела, и тянулись бесконечные километры мёртвого леса. Где-то на горизонте, за пеленой ионов, едва заметно мерцали огни Цитаделей — искусственные звёзды мира, который перестал быть его миром.

Кай не думал о них.

Он думал о том, что, когда эта тварь откроет глаза — а она их откроет совсем скоро — тишина в бункере закончится. «Вторые» не сдаются. Они не знают слова «компромисс». Их принципы вшиты в ДНК вместе с жаждой крови.

Но время было на его стороне.

У неё была рана, отравленная серебром, и тяжёлые блокираторы на запястьях, которые он защёлкнул с методично-

стью палача. Она никуда не денется. Пока что.

Чай в кружке медленно остывал.

Кай перевёл взгляд на узницу. Даже сейчас, со спутанными волосами на грязном матрасе и кровавой повязкой на боку, она оставалась совершенной. В покое её лицо выглядело иначе. Не мягче — мягкость никогда не коснулась бы этих резких, хищных скул. Но в нём проступила пугающая точность. Без маски ярости и боли оно обнажило ту первобытную суть, которую «Вторые» обычно прячут за оскалом.

Кай резко отвернулся.

Он залпом выпил горький, остывший чай и поставил кружку рядом с часами.

Снаружи завыл ветер — тоскливо, однообразно. В Серой зоне ветер всегда поёт о смерти.

Она придёт в себя через час. Или раньше.

Кай взял наушники, воткнул штекер в плеер. Хриплый саксофон заполнил пространство, вытесняя гул вентиляции и его собственные мысли. Медленная, тягучая тема Колтрейна сплеталась с тиканьем часов на столе.

Он умел ждать.

## ГЛАВА 2: ЗАПАХ НЕНАВИСТИ

Она пришла в себя от запаха.

Не от боли — та лишь пульсировала где-то на периферии, глубокая, тупая, с тем ядовитым жжением, которое безошибочно выдавало след серебра. И не от холода, хотя тот вязким саваном обволакивал кожу, давя сверху, точно тяжёлое одеяло из мёрзлого железа. Первым был запах. Он ворвался в сознание раньше образов и смыслов, потому что обоняние у «Вторых» пробуждалось прежде остальных чувств — закон биологии требовал сначала почуять опасность, а уже потом начинать мыслить.

Запах был многослойным и тяжёлым.

Ближний слой — ржавчина. Не едкая и свежая, а застоявшаяся, за десятилетия въевшаяся в сами поры металла. Это был дух старой крови железа, которая давно перестала быть жидкостью, превратившись в нечто минеральное, вечное, как запах мокрых камней в склепе. Под ней плотным пластом лежало оружейное масло: холодное, с резкой нотой растворителя, почти осязаемое в замкнутом пространстве. Ещё глубже пробивался аромат кофе. Не благородный напиток, а пережжённая, горькая бурда с отчётливым привкусом металлической посуды и воды, которую кипятили бесконечное количество раз. И в самом низу, под всеми этими пластами, она учуяла человека. Живого. Мужчину. Совсем рядом.

Она приоткрыла веки.

Потолок — бетонный, низкий, иссечённый сетью трещин, из которых сочилась маслянистая влага. Три лампы в проржавевших плафонах изливали тусклый, болезненно-желтоватый свет — скудный паёк аварийных аккумуляторов. Одна из ламп ритмично подмигивала с интервалом в шесть секунд. Это мерцание раздражало, создавая иллюзию, что всё помещение дышит — нутжно, с перебоями, как умирающий старик.

Она ощутила под собой нечто мягкое. Это было первым ударом по восприятию: не голый металл операционного стола, не ледяной бетон, а матрас. Тонкий, старый, пахнущий слежавшейся синтетикой и вакуумной упаковкой, но всё же — матрас. Его дух мешался с её собственным животным мукусом и резким, чистым ароматом антисептика.

Перевязка.

Она медленно опустила взгляд. На правом боку белела марля. Плотная, наложенная с пугающим профессионализмом — не наспех, а слой за слоем, зафиксированная медицинским пластырем. Под повязкой ныло, но это была ровная, фоновая боль, характерная для заживающих тканей. Осколка больше не было. Исчезло то изматывающее чувство инородного тела, которое «Вторые» воспринимали как незатихающий крик в нервных окончаниях. Значит, кто-то взял скальпель и вырезал его.

Она попыталась подняться, но запястья не послушались.

Она посмотрела на свои руки спокойно, с той холодной внимательностью, которая предшествует взрыву ярости. Блокираторы. Серебряные, широкие, с характерной шероховатой текстурой — стандарт «Чистых». Она знала их форму прежде, чем начала помнить своё имя. Тупая ломота в суставах была привычной: серебряное излучение прошивало кожу, блокируя лимбическую систему и не давая зверю сорваться с цепи. Трансформация была заперта внутри. Она чувствовала её как невыносимый зуд в костях, как колоссальное давление, которое тщетно искало выход.

Она была в клетке. Прутья из армированной стали, толщиной в три пальца, с тусклым серебряным напылением. Между ними — ладонь зазора: руку просунуть можно, голову — нет. Высоты хватало, чтобы встать в полный рост.

Она медленно поднялась. Клетка принуждала к наготe, обнажая её тело во всей его хищной, порочной красоте.

Грудь второго размера — высокая, дерзкая, безупречных очертаний — вздымалась в такт рваному дыханию. Две упругие полусферы с тёмными, твёрдыми от холода сосками остро выделялись в скудном свете ламп. Под матовой кожей проступала тонкая, едва заметная голубоватая сеточка вен. Каждый вдох заставлял грудь приподниматься, приковывая взгляд к этой пульсации жизни.

Узкая, почти девичья талия резко переходила в крутые, мощные бёдра, в которых чувствовалась скрытая пружинная сила. Ноги были длинными, с чётко очерченным рельефом

мышц, перекачивающихся под кожей при малейшем движении. Тугая, округлая задница с глубокой ложбинкой подчёркивала грацию хищника.

На плечах и предплечьях всё ещё темнели чешуйчатые пятна — остатки боевой формы. Чёрные перламутровые пластины переливались, точно живой доспех, делая её похожей на опасную, совершенную скульптуру из тёмного сна. Тяжёлая волна иссиня-чёрных волос рассыпалась по плечам, несколько влажных прядей прилипли к нежной коже над сосками. Лицо — острое, с высокими скулами и полными, чувственными губами. Золотые глаза горели холодным, тяжёлым огнём.

От неё исходил густой, тёплый аромат: животный мускус, смешанный с металлической гарью серебра. Запах самки, которая даже за решёткой оставалась самой желанной и смертоносной добычей.

Она села на край матраса и увидела его.

Кай сидел в кресле в трёх метрах от клетки. Он расположился чуть левее, избегая прямого, вызывающего взгляда. Кресло было старым, с истёртой обивкой и деревянными подлокотниками — реликт из кабинетов давно почивших начальников. Он сидел идеально прямо, не выказывая ни тени расслабленности, но и без лишнего напряжения.

На его коленях лежал разобранный пистолет.

Кай работал медленно, с медитативной точностью. Короткие, выверенные движения щётки вдоль нарезов ствола. Ве-

тошь, аккуратно сложенная на подлокотнике. Баночка масла у ног. Он не смотрел на неё, пока она не пошевелилась. Чистка оружия была не жестом устрашения, а просто способом убить время.

Он был без шлема. Это поразило её больше, чем клетка или матрас. В жёлтом аварийном свете его лицо проступило со всей беспощадной ясностью. Жёсткое. Это лицо когда-то умело выражать чувства, а потом сознательно разучилось. Линия челюсти — прямая и острая, как грань скалы. Глубокая складка между бровями — печать человека, привыкшего смотреть в лицо буре или чему-то гораздо более страшному. Тёмные волосы с ранней, «боевой» сединой на висках.

Руки. Она не могла отвести глаз от его рук. Мозолистые, узловатые, они годами контактировали только со сталью, кожей снаряжения и рукоятками ножей. Эти пальцы делали свою работу, не спрашивая разрешения у совести.

На левом запястье тикали часы. Тяжёлая механика на матовом браслете. В тишине бункера их ход казался оглушительным. Её слух, даже придавленный блокираторами, улавливал этот звук.

Равномерно. Беспощадно. Ровно. Без малейшего сбоя. Этот ритм взбесил её мгновенно. Он был слишком правильным, слишком живым в мире, где всё обречено на распад. Часы шли, напоминая о том, что её время больше ей не принадлежит.

Она смотрела на него четыре бесконечные секунды. Потом встала.

Движение отозвалось в боку вспышкой боли — тупой, раскалённый импульс. Она выпрямилась, принимая этот удар, и быстро оценила ущерб: жить можно. Регенерация пульсировала внутри, медленно, но, верно, стягивая края раны. Слабость в бедре от нейропаралитика ещё ощущалась тяжёлым свинцом, но уже уходила.

Она подошла к самой решётке. Встала прямо, не прикрываясь, инспектируя себя так, как солдат проверяет амуницию перед броском. Чешуйки на плечах побледнели. Блокираторы ныли привычной, выматывающей болью.

Подняв голову, она впиалась взглядом в его лицо.

— Ты снял с меня одежду.

Это не был вопрос. Голос прозвучал хрипло, с едва уловимым утробным рокотом — зверь в ней всё ещё пытался подать знак.

Кай не поднял глаз. Снова прошёлся щёткой по затвору.

— Трансформация сожрала твоё тряпье, — отозвался он.

— Я лишь вытер кровь.

— И осколок вытащил.

— Иначе бы ты сдохла.

— Значит, ты решил за меня? — В её голосе прорезалась истеричная, болезненная нота. — Решил, жить мне или нет?

Он наконец поднял голову. Взгляд был лишён иронии или сочувствия. Так смотрят на неизбежность.

— Мёртвый источник информации мне бесполезен.

Сказано это было с такой убийственной искренностью, что она на мгновение задохнулась. В его спокойствии не было желания обидеть — просто констатация факта. У него не водилось лишних слов, как не водилось лишних патронов в магазине.

Она вцепилась в стальной прут. Ладони обожгло — серебряное напыление мгновенно вгрызлось в кожу. Боль была острой, подлой, из тех, к которым невозможно привыкнуть. Она не убрала рук. Напротив, сжала пальцы сильнее, глядя на него с вызовом.

— Источник информации... — Она выплюнула это слово, как яд. — Значит, пока я пою, я живу. А когда выложу всё, что знаю? Что тогда, охотник?

— Потом — будет потом.

— Корпорации нужен живой образец, — она перешла на резкий, почти срывающийся тон, впиваясь ногтями в металл. — Я знаю их протоколы. Из меня выкачают всё, до последней капли секрета желез, пока я не превращусь в пустую оболочку. Ты это готовишь для меня?

Кай отложил щётку и взял ветошь. Медленно провёл по затворному узлу.

— У меня есть «сейчас», — отчеканил он, не меняя интонации. — И сейчас тебя никто никуда не везёт.

— Значит, ты приберёг меня для себя? — Её губы искривились в горькой, ядовитой усмешке. — Свое личное развле-

чение в клетке?

— Для информации.

— Это одно и то же. Ты такой же, как они, просто предпочитаешь делать это в тишине.

Кай собирал пистолет — методично, деталь за деталью. Тяжёлое железо в его руках подчинялось беззвучно, лишь редкие щелчки разрезали гулкую тишину бункера.

Щелчок рамки.

Щелчок затвора.

Щелчок предохранителя.

Эти звуки были его истинным языком, точным и беспощадным. Райя, прильнув к прутьям клетки, слышала в этой механической песне то, что он никогда не облёк бы в слова: бесконечную усталость, заученность движений до полной автоматике и пустоту. Его мысли были далеко, за пределами этой бетонной коробки.

— Сколько вас на севере?

Он произнёс это ровно, без вопросительной интонации. Так называют тему доклада или пункт в протоколе.

Райя вдруг засмеялась. Смех был негромким, но в нём не было ни капли веселья — только низкий, вибрирующий рокот, который её связки сохранили после трансформации. Звук не казался человеческим; он напоминал рычание хищника, пропущенное через изысканный музыкальный инструмент.

— Вырву тебе кадык раньше, чем скажу хоть слово.

— Без блокираторов — возможно.

— Блокираторы снимают.

Кай наконец поднял на неё взгляд. Холодный, оценивающий.

— Не здесь.

— И не сейчас.

— Значит, ты трус.

— Значит, я умный.

Райя медленно перенесла вес тела на другую ногу. Это движение было тягучим, почти кошачьим — так двигается плоть, привыкшая к абсолютной свободе, даже когда её держат на коротком поводке. Чешуя окончательно втянулась под кожу, оставив после себя лишь безупречную, атласную белизну. Мощные бёдра напряглись, узкая талия качнулась, а прямые плечи расправились. Она стояла перед ним совершенно нагая, и в этой наготы не было стыда — только вызывающая, агрессивная сексуальность. Она использовала своё тело как клинок, зная, что каждый её изгиб, каждая тень на коже врежется в его сознание.

— Ты ведь на меня смотришь.

— У меня глаза открыты.

— И что ты там видишь?

— Живой организм с активным метаболизмом и серебряным токсикозом лёгкой степени в стадии регрессии.

Он произнёс это с ледяной серьёзностью. Ни тени смущения.

ния, ни попытки защититься шуткой. Перед ним был просто объект, биологическая единица.

Райя медленно моргнула. У «Вторых» это не было знаком доверия. Это была пауза хищника, время на пересчёт векторов атаки. Она смотрела на него, и её золотистые глаза, казалось, просвечивали его насквозь.

— Ты мёртвый.

— Ты ещё дышишь, но внутри — уже труп.

— Это по глазам видно.

Кай промолчал. Он аккуратно поставил собранный пистолет на стол и взял другой — тактический, с уже снаряжённым магазином. Положил его на колено, так, чтобы пальцы едва касались рукояти.

— Слышишь?

— Железный жук у тебя на запястье.

— Тик-так. Тик-так.

— Это сердце покойника.

Она шептала это почти нежно, и эта интонация была ядовитее любого крика. Кай не отводил взгляда.

— Тебя это раздражает.

— Раздражает?

Райя резко убрала руки с прутьев, оставив на металле влажные следы. Она отступила в глубину клетки, развернувшись к нему спиной. Её бёдра плавно покачивались, подчёркивая крутой разворот таза и тугую линию позвоночника. Она знала, что он смотрит, и эта уверенность делала её

движения ленивыми и точными. Обернувшись, она вскинула подбородок.

— Это мерзко.

— Заводная игрушка вместо сердца.

— «Чистые» всегда были такими — вам нужно что-то механическое, чтобы не забыть, что вы ещё не окончательно сгнили.

— Часы отцовские.

Тишина повисла между ними, тяжёлая и душная. Кай сам не понял, зачем это сказал. Слова сорвались с губ прежде, чем он успел выставить внутренние барьеры. Он услышал свой собственный голос как будто со стороны, чужой и уязвимый.

Райя замерла. Её взгляд изменился — в нём не появилось сочувствия, но проступила острая, колючая пронизательность. Она впиалась глазами в его лицо, словно пытаясь выскрести правду из-под кожи.

— Покойник.

— Значит, они достались тебе от мертвеца.

— Они у меня от него.

— И ты их заводишь?

— Каждый день.

Она не ответила. Её взгляд скользнул по прутьям с серебряным напылением, ловя тусклые блики аварийного света. В углу рта Райи дёрнулся мускул — тень горькой, токсичной усмешки.

— Это не человечность.

— Это жалкое суеверие.

— Не твоё дело.

— В этой комнате?

Она обернулась всем корпусом, и её грудь, высокая и напряжённая, тяжело вздымалась.

— Сейчас единственные живые вещи здесь — это я.

— И ты.

— И вот это.

Она кивнула на его запястье, где механический ритм продолжал отсчитывать секунды.

— Всё остальное — мёртвое железо.

— Выбирай, в какой компании ты хочешь быть.

Кай смотрел на неё долго, слишком долго для профессионала. Затем он медленно взял жестяную кружку и сделал глоток остывшего, горького кофе.

Радио ожило в 21:47.

Старый транзисторный приёмник захрипел, выплёвывая помехи. В Серой зоне эфир был забит ионным шумом, сквозь который слоями прорывались голоса. Официальное вещание «Чистых» обычно несло во все стороны — они хотели, чтобы их страх слышали все.

— ...сектор семь... потеря контакта...

Голос в динамике был пропитан паникой, он торопился, захлёбывался словами.

— ...периметр прорван... эвакуация...

— Повторяю, эвакуация невозможна...

— Всем, кто слышит... сектор семь...

Затем всё накрыл белый шум статики. Тишина стала почти осязаемой. Кай не шелохнулся, лишь рука, державшая ветошь, на мгновение замерла.

Райя жадно ловила каждый звук. Её слух раскладывал помехи на атомы. Она слышала не слова, а ужас, пульсирующий в горле связиста, его прерывистое дыхание человека, который уже знает, что мёртв. Сектор семь был буфером, живым щитом между благополучными Цитаделями и первобытным хаосом зоны.

Она в упор смотрела на Кая. Он продолжал чистить затвор, словно радио только что сообщило прогноз погоды. Его спокойствие бесило её, вызывая прилив болезненной, истеричной злости.

— Там были люди.

— Да.

— И тебе плевать?

Кай поднял голову. Его взгляд был прямым и тяжёлым, как удар прикладом.

— Там были ваши.

— Волна?

— Не моя стая.

— Но вашей породы.

— У людей есть страны и армии, — Райя перешла на резкий, лающий тон, её пальцы впились в прутья. — Вы убива-

ете миллионами, и это называется «история». У нас есть голод и инстинкт, и это вы называете «геноцид».

— Обе стороны убивают.

— Обе.

Она выплюнула это слово.

— Только ваши убивают в стерильных комнатах, соблюдая протоколы.

— Подшивают отчёты в папки и называют это «контролем популяции».

— Чисто.

Она растянула это слово, обнажая зубы.

— Как вы все любите.

Кай промолчал. Он не спорил, он взвешивал её слова на каких-то своих, внутренних весах.

— Сектор семь, — произнёс он, глядя на приёмник. — Значит, пошла волна с севера. Уже четвёртая за сезон.

— Голод.

Райя небрежно повела плечом, и этот жест был полон вызывающей грации.

— Зима бесконечна. Леса пусты. Когда нечего жрать, идут туда, где есть еда.

— К людям.

— К мясу.

Она намеренно использовала его же холодный, объектный язык. Зеркало, в котором он должен был увидеть собственное отражение.

— Ты ведь тоже ела людей.

— Я ем то, что даёт мне жизнь.

— А ты убиваешь тех, на кого укажут пальцем.

— Разница лишь в том, что у тебя якобы есть выбор.

— У тебя он тоже есть.

— В клетке?

Райя обвела рукой пространство бункера, и её голос сорвался на горький вскрик.

— В блокираторах, которые жгут мне кости?

— С серебром, которое ты в меня вкачал?

Она резко опустила руку.

— У тебя чертовски странное представление о выборе.

Радио снова хрипнуло. Другой голос, совсем коротко:

— ...периметр пал... повторяю...

И тишина. Окончательная.

Кай встал. Его движения были плавными, но в том, как он подошёл к радио и выключил его, чувствовалось скрытое напряжение. Он постоял секунду спиной к Райе. Она видела, как вздулись узлы мышц у него на шее. Её биологическое чутьё вопило: он перегрет. Тело Кая излучало жар, который он отчаянно пытался скрыть за маской равнодушия.

Он обернулся. Лицо — снова непроницаемый гранит.

— Завтра поговорим о стайных маршрутах.

— Нет.

— Тогда послезавтра.

— Нет!

Она выкрикнула это, ударив ладонью по решётке.

— Никогда!

— Ни одного имени, ни единого укрытия.

— Можешь гноить меня здесь вечно, можешь надеть на меня ещё десяток цепей...

— Я тебя не пытаю.

— Пока что.

— Вообще не буду.

Райя осеклась. Она изучала его лицо с тихой, пугающей сосредоточенностью хищника. Искала ложь, искала слабинку, искала подвох.

— Почему?

— Потому что это не работает.

Кай снова опустился в кресло.

— Информация под давлением — это мусор.

— Мне нужна правда.

— И ты надеешься, что я выложу её тебе добровольно?

— Я хочу, чтобы у тебя появилась причина это сделать.

— Причина?

Райя чуть наклонила голову, и прядь волос скользнула по её груди.

— Выживание — это, по-твоему, не причина?

— Для тебя — нет.

Этот выстрел ушёл точно в цель. Райя почувствовала, как внутри что-то дрогнуло. Он знал их. Слишком хорошо знал.

— Ты много нашего брата повидал, — сказала она тише.

— До меня.

— Достаточно.

— И всех сдал Корпорации?

Кай замешкался на долю секунды. Почти незаметно для человека, но не для неё.

— Работа была такой.

— Была.

— Была.

Прошедшее время повисло в воздухе, словно дым от выстрела.

— Значит, теперь у тебя другая работа.

— Теперь — информация.

— А потом?

— Потом — будет потом.

Райя подошла к самой границе своей темницы. Она двигалась так, словно эта клетка была её тронным залом, заполняя собой всё пространство. Взялась за прут левой рукой. Серебро кусало кожу, но она даже не поморщилась.

— От тебя пахнет.

— Оружием, дешёвым антисептиком и чем-то горьким.

— Табак?

— Раньше.

— Значит, бросил.

— Бросил.

— Жалеешь?

Кай замер, обдумывая ответ.

— Нет.

— Врёшь.

— Может быть.

Это было первое «может быть» за всю ночь. Первое признание сомнения. Райя зафиксировала эту маленькую трещину в его броне. Это ещё не была победа, но это была зацепка.

Время в бункере не текло — оно отсчитывалось.

Райя не сводила глаз с его запястья. Тонкий стальной корпус часов тускло бликовал в свете аварийных ламп, а мерный, издевательски ровный звук механизма впивался в её обострённый слух с того самого мгновения, как она открыла глаза. Это тиканье было первым, что она осознала, — оно шло впереди скрипа старого кресла, впереди шороха ветоши по затвору и хриплого дыхания радио.

Ритм был невозмутимым. Так пульсирует существо, которое уже всё про себя решило, вытравило из души последние капли сомнений и застыло в ледяном принятии.

Эта ровность бесила её до дрожи в кончиках пальцев. Ей хотелось, чтобы механизм захлебнулся, чтобы он споткнулся о секундное деление, чтобы в этом выверенном танце шестерёнок возникла хоть одна живая, человеческая ошибка.

— Железное сердце покойника, — прошептала она, и в её голосе снова прорезался тот самый утробный, вибрирующий рокот. — Ты хоть понимаешь, что это на самом деле?

— Часы.

— Якорь. Ты сам так сказал.

Райя медленно отняла ладонь от прутьев клетки, оставляя на холодном металле влажный, горячий след.

— Якорь не даёт кораблю уйти в открытое море. Но он же тянет его на самое дно, когда начинается шторм.

Кай замер. Его взгляд пригвоздил её к стене клетки — тяжёлый, долгий, почти осязаемый. Секунды четыре он просто смотрел, как вздымается её грудь, как по белой коже пробегает едва заметная судорога.

Затем он молча взял пустую кружку и направился к плитке.

Их разговор не прервался, он просто перетёк в иную форму, где слова только мешали. Райя жадно следила за его спиной. Она видела, как под тонкой тканью куртки перекачиваются мышцы, когда он наполнял чайник. Её зрачки расширились, фиксируя каждое микродвижение его кисти. Он ставил чайник на огонь так, словно это была операция по разминированию: ни единого лишнего жеста, ни малейшего намёка на дрожь.

Он дрессировал свои руки, заставляя их быть неподвижными.

Райя чувствовала это своим звериным нутром — его спокойствие было не даром природы, а выжженной пустыней, достигнутой через немыслимое усилие. Под этой маской арктического льда клочкотало что-то тёмное, густое, опасное.

И это будоражило её. Это было неправильно, неудобно, почти болезненно, но она не могла заставить себя отвернуться.

Ночь в бетонном чреве бункера не имела ничего общего с той ночью, что царила снаружи.

Там, за гермозатворами, мир дышал озоном и смертью, ионное марево лизало верхушки мёртвых сосен, а холод дарил ту самую первобытную ясность, которая выметает из головы всё, кроме инстинкта выживания. Здесь же ночи не существовало. Было лишь вязкое, застывшее «позже». Жёлтый свет трёх ламп не менялся часами, вентиляция всхлипывала, точно простуженный зверь, а воздух казался несвежим, многократно использованным.

Кай снова сел за стол.

Он выпил горячую бурду, даже не заметив вкуса, и придвинул к себе планшет. На экране тускло светилась тактическая карта северных секторов. Красное пятно в районе Сектора Семь казалось свежей раной на теле измученной земли. Прогрессия. Волна катилась дальше, пожирая всё на своём пути.

Но Кай не видел карты.

Он думал о часах. Зачем он ляпнул про отца? В его мире такая откровенность была сродни добровольному разоружению. Это слово просто выскользнуло, прорвав оборону, которую он выстраивал годами.

«Якорь тянет на дно».

Она была чертовски права. Он знал это каждую мину-

ту, проведённую в этих бетонных мешках. Но альтернативой был только дрейф в пустоте, где нет ни имён, ни памяти, ни смысла просыпаться на следующее утро.

Он резко встал, стул жалобно скрипнул по бетону.

Не глядя на клетку, Кай направился к кладовке в углу. Он кожей чувствовал её взгляд, прожигающий спину. Райя сидела на полу, подтянув колени к подбородку, её нагота в тусклом свете казалась вызывающей, почти агрессивной.

В глубине стеллажа, за банками с концентратом, пряталась бутылка. Граппа. Дешёвая дрянь с осадком, которую он открыл три недели назад, когда реальность стала слишком острой, чтобы её можно было выносить всухую. Кай обхватил пальцами мутное стекло, ощущая его холод. Посмотрел на свет.

Затем с силой поставил бутылку на место.

Дверца кладовки закрылась с сухим стуком.

— Что там?

Её голос прозвучал неожиданно мягко, без прежней ядовитой насмешки.

— Не твоё дело.

— Ты ходишь туда, когда тебе становится страшно заглянуть внутрь себя.

Кай вернулся к столу и с грохотом опустил планшет на столешницу.

— Я хожу туда, когда считаю нужным.

— Ложь. — Райя едва заметно качнула головой, и исси-

ня-чёрные волосы мазнули по её соскам, заставив их ещё больше затвердеть от холода. — Ты не делаешь лишних движений. Каждое твоё действие функционально. Значит, там лежит твоё спасение, которое ты запрещаешь себе брать.

Кай впился взглядом в экран, пытаясь сосредоточиться на красных отметках.

— Ты слишком много болтаешь.

— Я в клетке. — Она пожала плечами, и этот жест подчеркнул изящную линию её ключиц. — Единственное, что мне осталось — это изучать тебя.

— Спи.

— «Вторые» не спят в гостях.

— Ты не спала трое суток.

— Сутки, — поправила она. — До того, как твоя химия вырубил меня.

Кай выключил планшет. Темнота бункера мгновенно стала гуще. Он посмотрел на неё — прямо, без защиты. Она сидела в центре клетки, обхватив голени руками, и в этом теле, созданном для убийства, было столько странной, дикой грации, что у Кая на мгновение перехватило дыхание. Каждая линия, каждый изгиб её бёдер и талии были совершенны в своей функциональности. Она была красива той пугающей красотой, которая бывает у хорошо отточенного клинка.

— Ты хочешь есть, — констатировал он.

— Нет.

— Трое суток без пищи после трансформации и ранения.

Ты едва держишься.

— Моё тело дисциплинированное твоего. Оно умеет ждать.

— Твой метаболизм не умеет. Ещё пара часов, и регенерация начнёт жрать твои собственные мышцы.

В клетке повисла пауза. Райя облизнула пересохшие губы — медленный, эротичный жест, который заставил Кая сжать челюсти.

— Что у тебя есть? — спросила она наконец почти шёпотом.

— Белковый концентрат. Консервы. Вода.

Она брезгливо поморщилась, и её ноздри хищно трепетали.

— Это не еда. Это мусор для рабов Корпорации.

— Это калории, необходимые для заживления твоего бока.

— Мне нужно мясо. Живое, истекающее соком.

— Концентрат сбалансирован. Там есть всё.

— Мне нужно мясо! — Она подалась вперёд, и её золотые глаза вспыхнули в полумраке.

Это не было капризом. Это была физиология хищника. Кай знал: после боя «Вторым» требуются специфические аминокислоты, которые синтетика не заменит. Без них процесс восстановления превращался в пытку.

— Консервы, — сдался он. — Мясные. Высший сорт из старых запасов.

— Сырые?

— Консервированные. Другого нет.

Райя замолчала, её дыхание стало глубже, тяжелее. Запах её возбуждённого, голодного тела начал заполнять комнату — мускус, медь и что-то неуловимо сладкое.

— Если хочешь жить — ешь. — Кай поднялся. — Уговаривать не стану.

— Ты откроешь клетку?

В её вопросе послышалась надежда, смешанная с вызовом.

— Для тебя есть заслонка внизу. Миска пройдёт.

Райя посмотрела на маленькую дверцу в основании решётки. Её губы тронула тень горькой улыбки.

— Предусмотрительно.

— Практично.

— Ты и раньше так делал? С другими?

— Работа была такой, — отрезал он, и это «была» прозвучало как захлопнувшаяся крышка гроба.

Она наблюдала за каждым его шагом к кладовке. Видела, как он проигнорировал бутылку, как достал жестяную банку. Звук вскрываемого металла — резкий, сочный — заставил её желудок сжаться в спазме. Запах жира, специй и натурального мяса ударил в нос, вышибая последние остатки самообладания.

Кай поставил миску у заслонки, щелкнул замком и толкнул её внутрь.

Райя не шелохнулась. Она сидела на матрасе, глядя на еду с ненавистью и вожделением одновременно.

— Это не яд, — бросил Кай. — Мёртвой ты мне не расскажешь ничего.

— Я знаю, что не яд. — Она поднялась — медленно, стараясь сохранить остатки достоинства, хотя её тело уже вибрировало от голода. — Я знаю этот запах. И знаю, что ты единственный, кто может мне его дать.

Она подошла к миске, опустилась на колени. Её бёдра широко разошлись, открывая вид, который Кай не должен был видеть. Она взяла миску, прижала её к себе, словно сокровище.

— Сядь.

— Я и так сижу.

— Напротив меня. Пока я ем.

Она вскинула голову, и её взгляд был полон странной, интимной провокации.

— Я не собираюсь жрать, видя твою спину. Сядь и смотри на то, что ты со мной сделал.

Кай молча развернул кресло и опустился в него прямо перед прутьями.

Райя начала есть.

Она не просила приборов, она рвала куски мяса пальцами, жадно, почти яростно запихивая их в рот. Её движения были лишены человеческой манерности — это был чистый, первобытный процесс насыщения. Она слизывала жир с паль-

цев, не сводя с Кая вызывающего взгляда, словно бросала ему вызов каждым своим движением. В этом акте было больше эротики и силы, чем в любом танце.

Кай смотрел на неё, чувствуя, как внутри него что-то опасно натягивается. Чтобы отвлечься, он перевёл взгляд на замолчавшее радио.

— Сектор Семь, — произнёс он, и его голос в тишине показался чужим.

— Что с ним? — Райя замерла, её губы блестели от жира.

— Там были дети, Райя. Совсем маленькие. И их больше нет.

Она не прекратила есть, лишь на мгновение замерла, когда тяжёлые слова упали в затхлую тишину бункера. Темп движений изменился — едва уловимо для человеческого глаза, но Кай, привыкший читать микродвижения тел, заметил этот сбой. Её пальцы, испачканные в жиру, чуть сильнее сжали край жестяной миски.

— В стаях тоже рождаются дети. Ты ведь об этом знаешь, правда?

Её голос прозвучал глухо, с той самой вибрирующей нотой, которая заставляла волосы на загривке вставать дыбом.

— Я знаю.

— И ваши выродки в белых халатах их утилизируют. Спокойно. По протоколу. Как бракованный материал.

— Я знаю, Райя.

— И? Это всё, что ты можешь сказать? Твоё «я знаю» должно меня утешить?

Она вскинула голову, впиваясь в него взглядом. В тусклом янтарном свете её глаза казались расплавленным золотом — зрачок уже не был звериной щелью, он стал идеально круглым, человеческим, но глубина этой радужки пугала. Это был не просто цвет, а бездна, в которой тонули остатки её самообладания.

— Ты ведь так и не принял этого, — прошипела она, подаваясь вперёд так, что её грудь почти коснулась прутьев. — Ты прячешься за приказами, но внутри тебя это грызёт.

— Что именно?

— То, что и с той, и с этой стороны — дети. Одинаково живые. Одинаково хрупкие. Ты это знаешь, Кай, но твоё нутро отказывается это жрать. Тебе тошно от самого себя.

Она с грохотом поставила пустую миску на бетонный пол. Металл жалобно звякнул.

— Это просто факты. Моя работа не подразумевает эмоций.

— Факты бывают больными, — отрезала она, и в её глазах на мгновение мелькнуло что-то похожее на жалость, перемешанную с ядом. — И твои факты уже начали тебя убивать.

Часы на его запястье продолжали свой бесстрастный бег. Тик-так. Тик-так.

Вентиляция вверху зашлась в надрывном кашле. Где-то в недрах системы ветер, гуляющий по поверхности, сменил

направление, и гул стал выше, тоньше, превращаясь в прозрачное подобие далёкого человеческого крика. Они смотрели друг на друга — хищник и охотник, запертые в одной бетонной утробе. Никто не хотел сдаваться первым, но в какой-то момент напряжение достигло пика, и взгляды разошлись, точно два клинка после неудачного выпада. Это не было миром. Это была лишь передышка.

— Как тебя зовут? — спросил Кай, не глядя на неё.

Она помедлила, облизывая блестящие от жира губы.

— Это что-то изменит в твоём отчёте?

— Нет. Просто спросил.

— Райя.

Имя сорвалось с её губ коротким выдохом, резким и хлёстким. Кай повторил его про себя, пробуя на вкус. В нём была скрытая сила, как в натянутой тетиве.

— Кай, — бросил он в ответ.

— Я знаю, — она одарила его тяжёлым, пронзительным взглядом. — Твоё имя есть в наших реестрах. Ты ведь легенда, Кай. Чистильщик высшей категории. Одиночка, который всегда возвращается.

— Что ещё вы знаете?

— Знаем, что ты выжил в северном секторе тогда, когда весь твой отряд превратился в кровавый фарш. Один среди трупов. Мы умеем читать то, что остаётся на поле боя, Кай. Мёртвые — отличные рассказчики.

Тишина, воцарившаяся после этих слов, была иной. С неё

словно содрали слой кожи, обнажив воспалённые нервы.

— Спи, — наконец выдавил он, отворачиваясь к столу.

— А ты? Будешь караулить мою душу?

— Нет. Работаю.

Райя скользнула взглядом по планшету.

— Карта?

— Она самая.

— Сектор семь уже отмечен красным, да? Как свежий ожог.

— Да.

— Следующим будет шестой. Или восьмой. Голод — это не стихия, Кай, это логика. Волна не успокоится, пока не насытится до отвала.

Кай открыл планшет, но линии секторов расплывались перед глазами. Он чувствовал её присутствие кожей — жар её тела, запах мяса и того странного, дикого мускуса, который теперь заполнял всё пространство бункера.

Она легла на матрас, но он знал, что она не спит. Её дыхание было слишком осознанным, плечи оставались напряжёнными, точно она в любой момент ждала удара. Райя смотрела в потолок, где в глубоких трещинах копилась тёмная, тяжёлая влага. Бункер умирал вместе с ними, медленно и неотвратно.

Вентиляция выла. Ветер снаружи пел свою заунывную песню.

# ГЛАВА 3: ФИЗИОЛОГИЯ ЗВЕРЯ

Ночь вцепилась в бункер мёртвой хваткой. Кай сидел у стола, вглядываясь в тактическую схему, пока цифры не превратились в бессмысленный набор знаков. Он чувствовал, как реальность начинает истончаться. Закрыв планшет, он откинулся на спинку скрипучего кресла и прикрыл глаза, позволяя звукам музыки заполнить голову.

В наушниках стонал саксофон Колтрейна. «A Love Supreme», часть четвёртая. Запись была старой, грязной, с шипением и провалами, но именно это делало её живой. Слышно было каждое движение губ музыканта, каждый судорожный вдох перед новой фразой. В этом мёртвом бетонном мешке саксофон казался единственным существом, которое по-настоящему дышало.

Около двух часов ночи ритм изменился. Но не в музыке. Кай выдернул один наушник. Под хрип саксофона подмешивался другой звук — рваное, тяжёлое дыхание за его спиной. Он прислушался, кожей ощущая, как воздух в комнате стал гуще и горячее.

Он открыл глаза и медленно обернулся.

В клетке Райя свернулась калачиком, подтянув колени к груди — та самая поза, в которой он нашёл её в лесу, среди вывороченных корней. Это зрелище кольнуло его чем-то острым и непрошеным. Её волосы прилипли к взмокшему

виску, а по обнажённым плечам пробегала мелкая, лихорадочная дрожь.

Кай встал, бесшумно преодолев расстояние до стола. Взял бесконтактный детектор и направил луч сквозь прутья.

Тридцать восемь и два. Температура росла стремительно. Это был плохой знак. Серебряное отравление дало осложнение, воспаление начало пожирать её изнутри, не давая регенерации закрыть брешь в тканях.

Он подошел вплотную к клетке.

— Райя?

Никакой реакции. Только рваный, лихорадочный хрип.

— Райя! Мне нужно осмотреть рану.

Она пошевелилась, медленно, с видимым трудом поворачивая голову. Её янтарные глаза подёрнулись мутной пеленой, зрачки были расширены до предела, почти полностью поглотив радужку.

— Пошёл прочь... — выдохнула она, и этот звук был похож на хруст сухих листьев. — Тебя не звали...

— У тебя жар, Райя. Воспаление идёт глубже.

— Знаю...

— Повязка промокла. Мне нужно войти.

— Нет! Не смей...

Кай не стал слушать. Он достал тяжёлый ключ, и металлический скрежет замка разрезал тишину, точно выстрел. Райя попыталась приподняться на локте, её тело, покрытое капельками пота, блеснуло в тусклом свете, но силы покину-

ли её. Она рухнула обратно, тяжело дыша.

— Не входи... — прохрипела она, скалясь, и в уголках её губ показалась розовая пена. — Я тебя... укушу... загрызу...

— Попробуй, — коротко бросил Кай.

В его голосе не было страха. Только холодная решимость человека, который привык доводить дело до конца. Он толкнул тяжёлую дверь и шагнул в клетку.

Тактильный шок ударил наотмашь.

Кай знал о физиологии «Вторых» всё, что полагалось оперативнику: сухие строчки инструктажей, графики из медицинских протоколов и дозированные порции данных из лабораторий Корпорации. Он знал, что их кровь гуще, мышечные волокна плотнее человеческих вдвое, а кожа высокатегорийных особей имеет иную архитектонику — грубый эпидермис, сниженную эластичность и аномальную плотность рецепторов.

Но сухая теория рассыпалась в прах, стоило ему коснуться её плоти.

Он опустился на колено. Его правая рука медленно потянулась к импровизированной перевязке на её боку. Сначала — осторожное касание тыльной стороной ладони, чтобы прощупать жар, не тревожа рану. Кожа Кая, загрубевшая от многолетних тренировок и оружейной смазки, была не самым чутким инструментом, но даже сквозь эти мозоли он почувствовал ударную волну тепла.

Это не был лихорадочный жар больного человека. Жар был сухим, яростным, исходящим от кожи так, словно под ней грелся металл, а не пульсировала кровь. Сорок градусов плюс. Снаружи, а не внутри. Обычный человек при такой температуре уже бился бы в конвульсиях, теряя сознание, но Райя лишь следила за ним — немигающим, тяжёлым взглядом хищника.

— Не двигайся, — бросил он коротко.

Марля отошла с сухим, липким треском. В одном месте ткань присохла намертво, и Кай потянул её миллиметр за миллиметром, стараясь не содрать едва затянувшийся барьер. Под повязкой всё выглядело скверно.

Рана не заживала — она лишь затянулась сверху плотной, тёмной коркой, которую вирус «Адаптив» выставлял как временный щит. Края были почти чёрными, окружёнными багровым нимбом воспаления. Под этой тонкой плёнкой тканей что-то жило своей жизнью, пульсируя с навязчивым, болезненным давлением. Организм пытался вытолкнуть врага, но враг был сильнее.

Серебряный осколок.

Кай нахмурился. Он точно помнил, как извлекал первый фрагмент. Но дробь была рассыпной, и её мелкие частицы могли уйти по непредсказуемым траекториям. Один осколок он нашёл сразу, но второй, помельче, засел глубоко в мышечном слое, спрятавшись от полевого осмотра.

Для «Второго» это означало медленную, мучительную

смерть. Некроз, накопление токсинов и сепсис, который невозможно подавить, пока заблокирована мутация. У неё оставалось не больше двух суток.

Кай молча поднялся и вышел из клетки. Дверь осталась открытой — сейчас она не представляла угрозы. Он подошёл к медицинской сумке, и в тишине бункера послышался мелодичный звон инструментов. Скальпель. Зажимы. Хирургический пинцет. Антисептик и стерильная марля. Его пальцы на мгновение замерли над шприцем с нейропаралитиком. Половина дозы. Только чтобы притупить рефлексy.

Он вернулся в клетку и опустился рядом с ней.

— Там ещё осколок. Глубоко. Придётся резать.

Райя мгновенно впиалась взглядом в шприц в его руке.

— Нет.

— Без этого ты сгниешь заживо через пару дней.

— Я знаю, что такое сепсис. Я видела, как это бывает.

— Тогда понимаешь, что выбора нет.

— Я понимаю только то, что ты снова хочешь вкачать в меня эту дрянь.

Она попыталась приподняться, опираясь на локоть. Движение было рваным, тяжёлым; её тело дрожало от напряжения, а на лбу выступила крупная испарина. Воля заставляла её двигаться, но лихорадка тянула обратно на матрас.

— Нет. Больше никакой химии.

— Будет больно. Очень.

— Делай так.

Она смотрела на него, и в её глазах Кай читал лихорадочный расчёт. Она выбирала между агонией от серебра и болью от его ножа, и выбор был очевиден.

— Осколок засел в мышце. Ткани воспалены, они будут сопротивляться каждому движению скальпеля.

— Я переживала вещи и похуже твоего ножика.

— Верю.

— Тогда кончай болтать. Делай.

Она медленно опустилась на спину, на мгновение задохнувшись от резкой вспышки боли в боку. Кай посмотрел на шприц, помедлил и отложил его в сторону.

Натянул перчатки. Инструменты легли на стерильную салфетку в строгом, почти ритуальном порядке. Он снова опустился на колено, максимально близко к её горячему телу.

— Держись за прут.

— Зачем это? Думаешь, я сорвусь?

— Чтобы ты меня не приложила, когда я дойду до мышцы.

— Приложу, если заслужишь.

— Знаю. Просто хватайся за металл.

Райя вытянула левую руку и мёртвой хваткой вцепилась в прут. Серебряное напыление тут же начало жечь ладонь, но она лишь сильнее сжала пальцы, словно эта новая боль помогала ей сфокусироваться.

Кай обильно смочил рану антисептиком.

Её живот мгновенно подобрался, мышцы под кожей напряглись, точно струны. Она резко выдохнула через нос, но

не издала ни звука. Кай действовал быстро.

— Говори, если станет невыносимо.

— Я не знаю такого слова.

— Значит, справлюсь сам.

Скальпель.

Лезвие вошло точно по линии воспаления. Кай почувствовал непривычное сопротивление — это не было похоже на человеческую плоть. Ткань была плотной, упругой, как дорогая кожа ручной выделки, но при этом пугающе живой и горячей. Райя не шевельнулась. Лишь стальной прут в её руке жалобно скрипнул под чудовищным давлением её пальцев.

Глубже, под фасцией, мышца буквально кипела.

Она сокращалась ритмично, мощно, пытаясь вытолкнуть инородное тело — древний рефлекс «Адаптива», который сейчас работал против своей хозяйки. Серебро парализовало ткани, не давая им завершить работу, и превращало естественный процесс в бесконечную пытку.

Кай ввёл пинцет в разрез.

Из её горла вырвался резкий, судорожный выдох — не крик, а надрывный звук, который она тут же подавила, сцепив зубы.

— Почти нашёл.

Пинцет лязгнул о металл на глубине двух сантиметров. Осколок был крошечным, не больше восьми миллиметров, но края его уже успели отравить плоть: некроз окрасил окру-

жающие ткани в угольный цвет.

Извлечение стало битвой. Мышца Райи, одуревшая от боли и вируса, инстинктивно сжималась вокруг инструмента, пытаясь раздавить его. Кай работал медленно, с филигранной точностью, чувствуя в пальцах биение её бешеного пульса. Он ощущал её каждой клеткой своего тела — её жар, её запах, её безмолвный крик.

Осколок вышел нехотя. Кай вытянул его на свет — зазубренный, серый, измазанный тёмной кровью. Он со звоном бросил его в миску.

Снова антисептик.

На этот раз она не выдержала. Низкий, утробный стон сорвался с её губ, а костяшки пальцев на пруте побелели до синевы. Кай не мешкал: промыл канал, наложил зажим и закрыл рану чистой марлей.

— Всё. Самое тяжелое позади.

Она не ответила. Её глаза были закрыты, лицо осунулось, став почти прозрачным в этом жёлтом свете. Она дышала глубоко и часто, пытаясь обуздать шок, который колотил её тело.

— Райя?

— Жива я.. — прошептала она, не открывая глаз.

— Температура спадёт к утру. Тебе нужно поспать.

— Хорошо.

Кай методично собирал инструменты. Скальпель — в дезинфектор, пинцет — следом. Его руки двигались на авто-

мате, пока мысли крутились вокруг того, что он только что ощутил. Эта невероятная плотность жизни под его пальцами. Её сверхчеловеческая выносливость. То, как она ненавидела свою слабость...

Он знал это чувство. Слишком хорошо знал.

Он уже собирался убрать последнюю салфетку, когда его взгляд зацепился за то, чего он не должен был видеть. На её спине, открывшейся при движении, белели старые, страшные шрамы.

Райя лежала на боку, отвернувшись к холодной бетонной стене, пока Кай методично собирал медицинскую сумку.

Её спина была полностью открыта — он видел её и раньше, когда входил в клетку, но тогда всё внимание занимала рана. Сейчас же, когда работа была окончена, а пульс немного замедлился, в тусклом мареве аварийных ламп перед ним предстала иная карта.

Шрамы. Они тянулись от левой лопатки к правому бедру — рваные, хаотичные, лишённые той симметрии, которую оставляет хирургический скальпель. Несколько глубоких, застарелых полос успели стать жемчужно-белыми, рельефными; Кай кожей чувствовал, какими они были бы на ощупь — жёсткими и бугристыми. Другие, посвежее, ещё сохраняли болезненный розоватый оттенок. И самый длинный — от основания шеи до середины спины — идеально ровный, пугающе гладкий след.

Серебро. Только оно оставляет такие рубцы на теле «Вторых», выжигая саму способность к идеальной регенерации.

Кай невольно коснулся собственной груди под плотной тканью куртки. Его шрамы болели к непогоде, напоминая о том, сколько раз реальность пыталась его стереть. Сколько раз ему говорили, что он не должен был выжить, а он выживал, зашивая себя в полевых условиях.

Её тело было летописью таких же попыток.

Он протянул руку — неосознанно, ведомый странным импульсом, который не вписывался в протокол допроса. Кончики его пальцев едва коснулись того самого длинного шрама на её лопатке. Кожа была горячей, сухой и пугающе живой.

Райя замерла.

Она не вскрикнула, не попыталась ударить его или оскалиться. Она просто перестала дышать. На долгую, бесконечную полусекунду мир вокруг них схлопнулся до этой точки соприкосновения. Затем её грудь тяжело вздыбилась, и она выдохнула.

Кай немедленно убрал руку, словно обжёгшись.

— Это серебро, — произнёс он, и его голос в тишине бункера прозвучал хрипло.

— Я знаю, от чего мои шрамы, Чистильщик.

— Чистильщики сделали это?

В ответ — лишь гудение вентиляции и свист ветра в шахте.

— Лаборатория, — бросила она наконец.

Это слово ударило в бетонный пол тяжелее свинцовой пули. В нём было всё: холод кафеля, запах химикатов и крики, которые не слышны за звукоизоляцией.

— Они отработывали протоколы на живых образцах, — Кай не спрашивал, он констатировал факт, который давно подозревал.

— Они отработывали на нас всё. Считали, сколько серебра нужно, чтобы мы перестали быть собой.

— И ты ушла.

— Меня вытащили. Стая.

Райя замолчала, и в её молчании было столько яда и боли, что Кай не решился спрашивать дальше. Прошное, если его тронуть слишком рано, имеет свойство вгрызаться в глотку.

Он посмотрел на свои руки. На правой — шрам через всю ладонь, старый и некрасивый. На предплечье — три параллельных следа от когтей. Восемь лет назад, его первая ошибка, его первый «Второй», которого он недооценил.

У них были разные жизни, но одна и та же война оставила на них схожие узоры.

Кай медленно расстегнул верхнюю пуговицу куртки и рывком отвёл ворот, открывая грудь.

Райя обернулась. Её глаза, всё ещё подёрнутые лихорадочной дымкой, медленно скользнули по его телу. Три глубоких следа от когтей на груди. Один — рваный, безобразный — на плече. И короткий, почти незаметный шрам под

левым ребром. Тот, что должен был стать последним.

— «Вторые»? — её голос вибрировал от странного напряжения.

— «Вторые».

— В честном бою?

— На работе.

Она смотрела на его шрамы с выражением, которое Кай не мог определить. В этом взгляде не было человеческой жалости, скорее — узнавание. Словно она смотрела в зеркало, которое отражало её собственную изуродованную душу.

— Ты охотился на нас, — прошептала она, и её губы дрогнули. — Тебя рвали в клочья, а ты зашивал себя и снова шёл убивать. Зачем?

— Работа, Райя.

— Это не ответ! — она вдруг вскинулась, её глаза вспыхнули яростью. — Ты же не машина! Зачем ты возвращался туда снова и снова?

Кай застегнул пуговицу, скрывая свою «карту».

— У меня не было другого варианта.

— Вариант есть всегда! Можно было просто уйти в пустоту, исчезнуть...

— Не у всех есть такая роскошь.

Райя откинулась на матрас, тяжело дыша.

— Они кого-то убили, — сказала она тихо, глядя в потолок. — Кого-то, ради кого ты до сих пор носишь эти часы.

Кай промолчал. Она умела слышать то, что оставалось за

кадром, считать тишину так же легко, как запахи.

По её коже прошёл озноб. Металл клетки быстро остывал, вытягивая остатки тепла из её измученного тела. Кай только сейчас осознал, что она лежит на голом матрасе, совершенно незащищенная перед ночным холодом.

Он вышел из клетки, не запирая за собой дверь. В кладовке он нашёл тяжёлое армейское одеяло в вакуумной упаковке — грубое, пахнущее пылью и старыми складами. Когда он вернулся, Райя наблюдала за ним, прищурив золотистые глаза.

— Не надо, — прохрипела она, но её плечи снова мелко задрожали.

— Ночью температура в бункере падает до нуля. Тебя будет колотить.

— Уже колотит.

— Значит, лежи смирно.

Он накрыл её, стараясь не касаться лишний раз. Одеяло было жёстким, серым, оно пахло временем и безнадёгой. Райя не помогала ему, она застыла, принимая эту заботу как неизбежное зло.

— Почему ты это делаешь? — спросила она, когда он закончил.

— Что именно?

— Всё. Осколок, одеяло... Ты же понимаешь, что я тебе ничего не скажу. Никаких явок. Никаких путей Стаи.

— Понимаю.

— Тогда зачем тратить ресурсы на врага?

Кай стоял над ней, глядя сверху вниз на её измождённое, но всё ещё прекрасное лицо. Он искал ответ, который не был бы ложью, и этот поиск давался ему труднее, чем любая операция.

— Потому что пока ты жива — в этом хаосе есть хоть какой-то смысл. Мёртвые — это просто статистика. А ты... ты сопротивляешься.

— Это снова из твоего задания?

— Не только.

Слова сорвались с губ прежде, чем он успел их заблокировать. Как и признание про часы.

Райя смотрела на него снизу вверх, и её взгляд медленно менялся. Гнев уходил, уступая место чему-то вязкому, тяжёлому, похожему на запоздалое осознание.

— Ты видел их шрамы, — сказала она почти мягко. — И свои.

— Да.

— И решил, что мы из одного теста.

— Я решил, что у тебя была своя война. И она оставила на тебе те же клейма, что и на мне.

В тесном пространстве клетки, пропитанном запахом антисептика и старого железа, между ними возникло что-то, чему не было названия.

— Ты идеалист, Кай, — на её губах появилась слабая, почти призрачная улыбка. — Чистильщик с душой романтика.

Это редкий вид. Почти вымерший.

— Я не идеалист.

— А кто тогда?

— Я просто очень сильно устал, Райя.

Тишина стала плотной, как вата.

— Устал... — эхом повторила она и закрыла глаза.

Кай собрал остатки инструментов и вышел из клетки. Он закрыл дверь на защёлку, но ключ в замке поворачивать не стал. Это было молчаливое соглашение, которое оба приняли без слов.

Он вернулся к своему столу. Планшет снова светился картой с алыми точками, но теперь цифры и сектора казались ему бессмысленной шелухой.

В клетке Райя не спала. Он слышал её ровное, контролируемое дыхание. Она тоже слушала его.

Двое существ, созданных для взаимного истребления, сидели в темноте бункера, оглушённые тиканьем отцовских часов и гулом умирающей вентиляции. Наружи выл ветер, а здесь, под слоями бетона, время застыло, не давая им ни прощания, ни покоя.

Рассвет просочился в бункер не светом, а едва уловимым изменением температуры.

Вентиляция на рассвете всегда начинала звучать иначе: атмосферное давление на поверхности совершало свой суточный кувырок, и поток воздуха в каналах менял плот-

ность. Кай почувствовал это кожей. Затхлый дух застоявшегося бетона разбавила тонкая, почти призрачная нотка талого снега — далёкий привет из мира наверху, где под серым небом расстилалась ледяная пустошь.

Он провалился в сон около четырёх утра. Не раздеваясь, лишь сбросив ботинки и тяжёлую тактическую разгрузку, Кай вытянулся на раскладушке у дальней стены. Это не был полноценный отдых — скорее вязкое, поверхностное забытие, сквозь которое он продолжал контролировать каждый шорох в стальном чреве бункера.

Проснулся он от звука голоса. Низкого, чуть хриплого, прорезавшего тишину, как лезвие — бумагу.

— Ты храпишь.

Кай открыл глаза.

Райя сидела в углу клетки, подтянув колени к подбородку и обхватив их руками. Одеяло соскользнуло с её плеч, обнажая тонкую шею. Она наблюдала за ним — немигающе, сосредоточенно, в той самой позе, которую он уже привык считать признаком её предельной концентрации. Дрожь, бывшая её ночью, утихла. Взгляд золотистых глаз стал острее, в них вернулась осмысленная, холодная ясность. Лихорадка отступила.

— Не храплю, — ответил он, голос после сна был чужим и надтреснутым.

— Немного, — в её интонации проскользнуло нечто, подозрительно похожее на иронию. — Тихо, но в этой дыре

слышно всё.

Кай сел на скрипучей раскладушке. Потянулся, чувствуя, как хрустят позвонки; тело после трёх часов в неудобной позе протестовало тупой болью. Он молча натянул ботинки, загибая шнурки привычными, доведенными до автоматизма движениями.

— Как рана?

— Лучше.

— Температура?

— Нормальная.

— Дай замерю.

— Я сказала — нормальная, Чистильщик.

Она вскинула подбородок, и в её взгляде на мгновение вспыхнуло прежнее упрямство. Кай достал бесконтактный детектор, но Райя даже не шелохнулась.

— Тридцать семь и пять, — отрезала она, не дожидаясь, пока он нажмёт кнопку. — Я чувствую собственное тело изнутри. Твой прибор только подтвердит то, что я и так знаю.

Кай убрал детектор в карман.

— Есть хочешь?

— Опять твои консервы?

— Других нет. Выбирать не из чего.

— Тогда давай.

Он прошёл к кладовке, стараясь не смотреть на её обнажённые плечи. Выбрал банку с мясом в томатном соусе — там было больше железа и белка, необходимых для быстро-

го восстановления тканей. Вскрыл жёсть ножом и поставил миску у заслонки.

Райя взяла еду без лишних слов. Она снова ела руками, но теперь её движения были осторожнее. Кай заметил, как она бережёт правый бок: при каждом повороте корпуса её брови едва заметно сдвигались к переносице, а пальцы левой руки непроизвольно сжимались в кулак. Тело адаптировалось к боли, встраивая её в привычный ритм жизни.

— У тебя на руках тоже шрамы, — сказала она вдруг, не отрывая взгляда от миски.

— Всекие есть. Разные.

— Три параллельных полосы на предплечье — это не «разные». — Она подняла на него глаза, и в них блеснуло опасное знание. — Это когти. Специфический угол удара. Кто-то настиг тебя сверху, так?

— Восемь лет назад, — Кай невольно коснулся рукава, скрывающего отметины.

— Ты был совсем молодым.

— Скорее — неопытным.

— Это одно и то же.

Он промолчал, возвращаясь к проверке оборудования на столе.

— Ты не злишься на них, — снова заговорила она. Это не было вопросом — она пробовала это утверждение на вкус, проверяя его на прочность. — На тех, кто оставил это на тебе. Почему?

— Нет смысла. Они делали то, ради чего были созданы. Я делал то, за что мне платили. Злость — это лишний шум. Она мешает целиться.

Она отставила пустую миску в сторону.

— У людей всё иначе. Люди захлёбываются в своей зло-  
сти.

— Некоторые — да. Но не все.

— Таких, как ты, мало.

— Достаточно для того, чтобы мир ещё не взлетел на воз-  
дух.

Райя смотрела на него долго, изучающе. Её взгляд сколь-  
зил по его лицу, словно она пыталась пересчитать заново все  
переменные в своём уравнении.

— Ты не стандартный экземпляр Корпорации, — заклю-  
чила она наконец.

— Далеко не стандартный.

— И ты сам это прекрасно знаешь.

— Знаю.

— И они знают тоже.

— Поэтому я и работаю в одиночку, — ответил он просто.

В его словах не было ни гордости, ни жалости к себе. Толь-  
ко констатация факта. Одиночные рейды были негласным  
договором: Корпорация получала безупречный результат, не  
вникая в методы, а Кай получал пространство, где над его ду-  
шой не стояли контролёры. Равновесие держалось на острие  
ножа.

— Рано или поздно результат их не устроит, — Райя подалась вперёд, и её голос стал тише. — И тогда они пришлют за тобой других. Таких же, как ты.

— Или кого-то похуже.

— Хуже тебя найти непросто, — в её интонации проскользнуло нечто, напоминающее мрачное признание его заслуг.

Кай бросил взгляд на часы. Шесть сорок три. Время утреннего осмотра. Он встал и подошёл к клетке.

— Покажи рану.

Райя вскинула одну бровь. Этот жест, исполненный холодного скепсиса, выглядел на её лице удивительно человеческим.

— Уже утро, а ты снова лезешь ко мне?

— Нужно проверить повязку.

— Я могу сделать это сама.

— Ты не видишь её под нужным углом, Райя. Нужно осмотреть правый край.

— Хорошо. Заходи.

Она согласилась тоном человека, который не сдаётся, а лишь признаёт логичность довода. Кай открыл дверь и вошёл в тесное пространство клетки. Она не отодвинулась, позволяя ему оказаться в своей охранной зоне. От неё пахло теплом, железом и тем самым диким мускусом, который теперь ощущался сильнее.

Он осторожно отвёл край одеяла и снял марлю. Рана за-

тягивалась с поразительной скоростью. Воспаление сошло, оставив лишь узкую розовую кайму. Ткани пульсировали, наливаясь новой силой; теперь, когда серебряный осколок перестал отравлять плоть, регенерация «Второй» включилась на полную мощность.

— Заживает отлично, — резюмировал он.

— Я в курсе.

— Еще два-три дня, и от раны останется только след.

— Будет быстрее, если ты снимешь с меня блокираторы.

— Я их не сниму.

— А я и не прошу об одолжении.

— Тогда зачем напоминаешь об этом?

— Информировать, — она чуть заметно улыбнулась одними уголками губ. — У тебя ведь в почете «информация». Так вот: без этой дряни в крови я буду в норме через сутки. С ней — провожу здесь еще три дня. Твой выбор, Чистильщик.

Кай наложил свежую повязку. Его пальцы двигались быстро и точно, касаясь её кожи. Она была горячей, плотной и удивительно гладкой, несмотря на шрамы. Он чувствовал под подушечками пальцев биение её жизни — мощное, первобытное.

Он убрал руки, закончив работу, и его взгляд непроизвольно соскользнул на её спину, к тем самым отметинам, что он видел ночью.

Райя мгновенно почувствовала этот взгляд.

— Они мне не мешают, Кай.

— Я знаю.

— Тогда перестань смотреть на них так, будто они должны болеть.

— Я не об этом думал.

— Ты думал о том, что они значат, — отрезала она. —  
Пытался прочесть историю, которая тебя не касается.

— Пытался. Скрывать не буду.

— Это не твоя история. У тебя нет прав на эти страницы.

— Согласен. Но она чертовски похожа на мою.

Она не нашлась с ответом сразу. Райя опустила взгляд на пол клетки, и её лицо на мгновение стало абсолютно непроницаемым.

— Похожая... — наконец повторила она, словно пробуя слово на прочность. — Может быть.

Кай вышел из клетки и защёлкнул замок. Достал прибор и замерил общую температуру в помещении. Тридцать семь и три. Фон стабилизировался.

Она выживет. Эта мысль была правильной, сухой, профессиональной. Живой объект — полезный объект. Источник информации. Но где-то глубже, под слоем инструкций, билась иная мысль. Вторая, тихая, которую он запрещал себе озвучивать.

Он убрал прибор и поставил чайник.

Снаружи занимался рассвет, невидимый и равнодушный. В Серой зоне, среди костяных деревьев и вечных снегов, просыпался холодный мир, которому не было дела до двух

существ, запертых в стальном склепе. Но здесь, под землёй, в запахе антисептика и гуле вентиляции, что-то изменилось навсегда. Два врага, два инструмента разных войн, узнали друг в друге нечто такое, для чего у человеческого языка ещё не придумано названия.

Вентиляция гудела, унося их молчание в пустоту.

## ГЛАВА 4:

# ГАСТРОНОМИЯ ЯРОСТИ

На третий день она начала разрушать клетку изнутри.

Не прутья — прутья Райя трогать перестала после того, как серебряное напыление оставило на её ладонях багровые полосы. Тело «Второй» должно было сжечь эти ожоги за час, но блокираторы превращали регенерацию в пытку: раны затягивались мучительно долго, словно механизм с заклинившими шестернями. Это бесило её едва ли не сильнее самой неволи. Злость кипела в ней, густая и тёмная, требуя выхода, пока наконец не нашла цель.

Матрас.

Старый, армейский, набитый слежавшейся за десятилетия синтетикой, он был единственным, до чего она могла дотянуться. Первый удар кулаком отозвался глухим хлопком. Райя ударила снова. И ещё раз, вкладывая в движения всю накопившуюся ярость. Когда матрас не поддался, она вцепилась в него пальцами, раздирая швы с утробным рыком. Ткань лопнула, серое облако пыли взметнулось в воздух, заставив её закашляться.

Кай сидел за столом, методично разбирая пистолет. Это был четвёртый ствол за утро. Он перечистил всё оружие в арсенале по три раза — только чтобы занять руки и не давать

мыслям соскальзывать к той, что сидела за прутьями.

Треск рвущейся ткани заставил его поднять голову.

— Ты его не сломаешь.

Райя замерла. Её лицо было влажным от пота, пряди волос прилипли к вискам, а в глазах горел тот азартный, дикий блеск, который появляется у запертого хищника, дорвавшегося до имитации охоты.

— Я его уже сломала.

— Матрас всё равно был мусором.

— Так дай мне что-то нормальное!

— Пространство клетки ограничено, Райя. Ты это знаешь.

— Тогда выпусти меня!

Она рванула ткань ещё раз, вырывая клоч синтепона. Пыль медленно оседала в жёлтом свете ламп. Райя выпрямилась, тяжело дыша. Её спина была натянута как струна, а в позе сквозило такое запредельное нетерпение, что воздух в бункере, казалось, начал вибрировать.

— Рана, — коротко бросил Кай.

— Что с ней?

— Если ты способна терзать матрасы, значит, воспаление спало. Посмотрю.

— Всё нормально. Отвали.

— Я сказал — посмотрю.

Он встал, снял с пояса фонарик и подошёл к решётке. Райя не шелохнулась, лишь её зрачки сузились до вертикальных щелей.

— Ты хочешь зайти.

— Да.

— Я тебя ударю на этот раз, Чистильщик. Обещаю.

— Попробуй.

Кай произнёс это без вызова, с тем же ледяным спокойствием, с каким проверял предохранитель. Он смотрел прямо на неё, и Райя, продержав паузу в несколько секунд, медленно отступила на шаг.

Он вошёл. Осмотр занял меньше минуты. Она стояла неподвижно, с выражением безразличного превосходства, но он видел, как вздрагивают её ноздри, улавливая его запах. Регенерация действительно набрала обороты: края разреза розовели, стягиваясь.

— Заживает. Через день-два снимем повязку.

— Я же говорила.

— Следи, чтобы ворс от матраса не попал внутрь.

— Я не идиотка.

— Я этого не утверждал. Просто предупредил.

Кай вышел и защёлкнул замок. Его решение перевести её на другой рацион пришло само собой — холодная логика оперативника. Консервы таяли на глазах. Метаболизм «Второй» сжигал калории втрое быстрее человеческого, а заживание требовало ресурсов.

Он достал из кладовки армейский белковый концентрат. Запаянный брикет, густая бежевая каша с резким химическим запахом. В ней было всё для жизни и ничего — для

вкуса.

Поставив миску в заслонку, он толкнул её внутрь.

— Еда.

Райя подошла, наклонилась. Её ноздри затрепетали.

— Что это за дрянь?

— Белковый концентрат. Полный аминокислотный профиль. Это поможет тебе восстановиться.

— Это пахнет химией и горем, Кай.

— Это еда. Ешь.

— Это не еда!

Она присела на корточки, почти касаясь лицом поверхности месива. Движение было чисто звериным — глубокий, жадный вдох. Она оценивала состав, как хищник оценивает падаль.

— Здесь нет жизни. Нет крови. Ты кормишь меня переработанным дерьмом.

— Это сбалансированное питание.

— Мне нужна кровь! — Она резко вскинула голову, впиваясь в него взглядом. — Ты вообще понимаешь, как работает моё тело? Мне не нужны твои цепочки из серой каши. Мне нужно железо. Белок, который я усвою мгновенно. Прямая кровь.

— Живого мяса в бункере нет.

— Тогда дай свою.

Кай замер, глядя в её расширившиеся зрачки. В её голосе прозвучало нечто большее, чем просто голод — вызов, сме-

шанный с болезненным любопытством.

— Моя кровь тебе не подойдёт. Группы несовместимы.

— Это не точно. Дай мне проверить.

Она смотрела на него так, словно уже чувствовала пульсацию жилы на его шее. А затем, без малейшего замаха, она подхватила миску и с силой впечатала её в стену.

Грохот металла о бетон. Брызги серой жижи разлетелись по клетке, капли попали на рукав Кая. Миска с лязгом упала на пол.

— Дай мне настоящее мясо, — прошипела она.

Голос Райи был пугающе ровным. Это была не истерика, а ультиматум существа, которое осознало своё бесправие и решило сделать его проблемой для надзирателя.

Кай медленно перевёл взгляд с пятна на стене на её лицо. Три дня в этом замкнутом пространстве. Три дня её присутствия, которое ощущалось кожей, даже когда он спал. Гнев — холодный, дисциплинированный — толкнулся под рёбра. Она хотела реакции? Она её получит.

Он молча развернулся и ушёл в кладовку. Достал технический шланг, присоединил его к резервуару со снеговой водой. Температура воды была чуть выше четырёх градусов. Почти лёд.

Вернувшись, он просунул наконечник шланга в заслонку.

— Что ты задумал? — Райя отступила к дальней стене, её плечи напряглись.

— Усмирение.

— Не смей!

Кай открыл кран. Струя ледяной воды ударила в пространство клетки. Первый поток пришёлся Райе в бедро — она успела крутнуться, издав короткий, шипящий звук, похожий на кошачий рык. Это был не крик боли, а шок. Она развернулась к нему лицом, и следующая струя приняла её в грудь.

Кай держал шланг ровно. Она попыталась броситься к за-  
слонке, чтобы вырвать оружие из его рук, но вода отбрасывала её назад, забивая дыхание.

Двадцать секунд тишины, прерываемой только шумом воды.

Он перекрыл кран. Бункер наполнился звуком её лихорадочного дыхания. Кожа Райи среагировала мгновенно: метаболизм бросил все ресурсы на компенсацию холода.

И тогда он увидел это.

От её мокрого тела повалил пар. Тонкие, белёсые струйки тумана поднимались от плеч и спины, подсвеченные тусклым светом ламп. Горячая плоть в холодном воздухе. В этот момент она казалась существом из древних мифов — полубогиней, в которой горел вечный огонь, способный вскипятить воду на коже.

Райя стояла у стены, прижимая локти к бокам. Её глаза превратились в две янтарные щели.

— Ещё раз, — прошептала она, — и я найду способ вырвать тебе горло. С блокираторами или без.

— Знаю, — Кай аккуратно сматывал шланг. — Поэтому одного раза достаточно.

— Ты доволен собой? Наказал зверушку?

— Нет. Я просто сделал то, что требовала ситуация.

— «Ситуация»! — Она вдруг взорвалась, шагнув к решётке. — Твой железный мир, Кай! Всё по чертежам, всё по инструкции! Пистолеты, концентрат, душ по расписанию! Ты вообще живой? В тебе есть хоть капля хаоса, или ты просто механизм, который случайно оказался теплее железа?!

Кай повесил шланг на кронштейн и повернулся к ней.

— Ты злишься, Райя. И я знаю, почему.

— О, неужели?!

— Тебе скучно. Три дня без охоты, без движения, без твоей стаи. Твои инстинкты сводят тебя с ума в этой тишине. Я понимаю это.

Слова попали в цель. Она замерла, и на её лице отразилась целая гамма чувств: от яростного отрицания до внезапного, болезненного узнавания. Ей не хотелось, чтобы этот человек её понимал.

— Ты ничего не понимаешь.

— Может быть.

— Точно не понимаешь!

— Тогда объясни мне. Что тебе нужно?

Она открыла рот, чтобы выдать очередную колкость, но осеклась. Пар всё ещё едва заметно поднимался от её плеч.

— Ты хочешь, чтобы я исповедовалась тебе?

— Я хочу, чтобы ты перестала разносить мой бункер. Чего ты хочешь, кроме свободы?

— Мяса. Настоящего.

— Пока нет возможности.

— Тогда... нагрузки. — Она стиснула зубы. — Моё тело умирает без работы. Три дня в этом ящике — для меня это как три дня без воздуха. Мне нужно чувствовать свои мышцы.

Кай помолчал, оценивая её состояние.

— Отжимания.

Райя уставилась на него так, будто он заговорил на мертвом языке.

— Что?

— Отжимания. Приседания. На прутьях можно подтягиваться — напыление только снаружи. Это примитивно, но это даст тебе необходимый тонус. Условия ограничены, Райя. Принимай их.

В клетке повисла тяжёлая пауза. Она смотрела на него с нескрываемым изумлением, в котором медленно кристаллизовалось нечто похожее на уважение — или, по крайней мере, на признание его невыносимой практичности.

— Ты невозможный человек.

— Знаю.

— Это не было комплиментом.

— Я в курсе.

Она отвернулась, постояла секунду, глядя на пятно кон-

центрата на стене. А затем, медленно и с какой-то особенной, вызывающей грацией, Райя опустилась на пол клетки и приняла упор лёжа.

Кай вернулся к своему столу. И только когда он открыл планшет, скрывая лицо от её взгляда, он позволил себе едва заметную, мимолётную улыбку.

На четвёртый день молчание в бункере стало осязаемым, как слой пыли на старых приборах. Кай сидел за столом, в который раз перебирая архивные файлы, но его внимание было приковано к звукам из клетки. Райя приняла его вызов. Ритмичный звук её дыхания и мягкий шелест движений по бетону заполняли пространство уже второй час.

Она отжималась. Её тело, влажное от пота, двигалось с пугающей, почти гидравлической точностью. Каждый раз, когда она опускалась к полу, мышцы на её спине — те самые, исчерченные шрамами — перекачивались под кожей, словно живой рельеф. Пар всё ещё едва заметно поднимался от её плеч, смешиваясь с холодным воздухом подземелья. Она работала на износ, выжигая блокираторы в своей крови чистой физической яростью.

Кай встал, взял бутылку с водой и подошёл к прутьям. Она замерла в упоре лёжа, не поднимая головы, лишь её ноздри трепетали от частого дыхания.

— Достаточно, — сказал он. — Ты загонишь сердце раньше, чем выжжешь химию.

Райя резко оттолкнулась от пола и в одно движение оказалась на ногах. Она стояла слишком близко к решётке, тяжело вздымая грудь. Капли пота стекали по её шее, исчезая в ложбинке между ключицами. Её взгляд, прямой и лихорадочный, впился в его лицо.

— Не тебе решать, сколько мне нужно.

— Твоему телу нужно восстановление, а не суицидальный марафон. Пей.

Он протянул бутылку через заслонку. Райя не взяла её сразу. Она смотрела на его пальцы, потом медленно подняла глаза, и в их золотистой глубине промелькнуло что-то новое — не ненависть, а тёмное, тягучее любопытство. Она сделала шаг вперёд, прижимаясь животом к прутьям.

— Ты так боишься, что твой «образец» сломается?

— Я боюсь, что ты сдохнешь от собственной глупости.

— А может, тебе просто нравится смотреть? — Она подалась ещё ближе, так что её дыхание коснулось его щеки. — Как я двигаюсь. Как пахну. Тебя же это заводит, Чистильщик? Твой пульс ускорился. Я слышу его.

Кай не отодвинулся. Он чувствовал исходящий от неё жар — сухой, агрессивный жар «Второй», который, казалось, прошивал саму сталь между ними. Его рука, всё ещё сжимавшая бутылку, напряглась.

— Ты пытаешься играть в провокацию. Это плохая стратегия.

— Это не стратегия. Это скука, — прошептала она, и её

голос стал ниже, вибрируя где-то у него в солнечном сплетении. — И ты скучаешь не меньше моего. Ты смотришь на мои шрамы и представляешь, кто их оставил. Ты хочешь коснуться их снова, правда? Хочешь проверить, насколько я горячая внутри?

— Райя, замолчи.

— Почему? Тебе больно признавать, что ты хочешь врага? Что твоё тело предаёт твои инструкции?

Она медленно провела ладонью по своему бедру, и это движение было нарочитым, сексуализированным, почти вызывающим. Она знала, какое действие оказывает на него — здесь, в изоляции, где каждый вздох становился событием.

— Ты понятия не имеешь, чего я хочу, — Кай поставил воду на пол и резко развернулся.

— Ты хочешь подойти ближе! — крикнула она ему в спину, и в её голосе зазвенели истеричные, болезненные нотки. — Ты хочешь сорвать с меня это чёртово одеяло и увидеть всё! Ты такой же, как они в лаборатории, только трусливее! Они хотя бы не притворялись, что им есть дело до моих ран!

— Я не они, — он остановился, сжав кулаки так, что побелели костяшки.

— Тогда докажи! — Райя ударила ладонью по прутьям, и звук металла отозвался эхом в его черепе. — Выпусти меня отсюда на пять минут! Дай мне почувствовать, что я не кусок мяса в банке! Или ты можешь только поливать меня водой, когда я не подчиняюсь?!

Кай медленно повернулся. Его лицо было непроницаемым, но глаза потемнели, превратившись в две глубокие тени.

— Если я тебя выпущу, ты попытаешься меня убить. И мне придётся убить тебя в ответ. Ты этого хочешь?

— Может, и этого! Это лучше, чем гнить здесь под твоим «заботливым» присмотром! Ты думаешь, ты спасаешь меня? Ты просто продлеваешь агонию!

— Я вытаскиваю осколки из твоей плоти, чтобы ты могла дышать.

— Ты вытаскиваешь их для Корпорации! — Она сорвалась на крик, и её тело затряслось от накопившегося напряжения. — Ты ревнуешь меня к моим шрамам, Кай! Тебе невыносимо, что их оставил не ты! Что кто-то другой владел моим телом до тебя, пусть даже через боль!

Этот упрёк, нелепый и токсичный, повис в воздухе. Кай смотрел на неё, чувствуя, как внутри закипает что-то, чему не было места в протоколе. Он подошёл к клетке вплотную, так что их разделяли лишь миллиметры стали.

— Ты бредишь, — сказал он тихо, и в этой тишине было больше угрозы, чем в её крике.

— Я вижу тебя насквозь. Ты Чистильщик, который влюбился в свою жертву и теперь не знает, что с этим делать. Ты жалок в своём благородстве.

Она тяжело дышала, глядя на него с вызовом, но её губы дрожали. Вся её агрессия была лишь щитом, за которым

пряталось изломанное, измученное существо, ищущее хоть какой-то близости — пусть даже через конфликт, пусть даже через яд.

Кай долго смотрел в её глаза, пытаясь найти там остатки той Райи, с которой он говорил вчера. Потом он просто кивнул, словно подтверждая какую-то свою внутреннюю мысль.

— Ложись спать, Райя. Завтра будет трудный день.

— Опять побежишь чистить свои железки? — выплюнула она ему вслед.

Он не ответил. Он вернулся к столу, но планшет остался выключенным. Вентиляция гудела, унося остатки её яростного пара, а в темноте бункера двое людей продолжали вести свою войну, в которой не могло быть победителей.

Райя сидела у самой стены, инстинктивно отвоевывая каждый сантиметр пространства. Одеяло брошенным комом валялось рядом; она принципиально не касалась его, словно это могло стать признаком слабости. В тёплом мареве, исходящем от печи, её влажные волосы начали подсыхать — пряди расправлялись, пушились, принимая свою естественную форму.

— Ты странный, — произнесла она.

Голос её изменился. Прежняя колючая оценка извне сменилась чем-то глубоким, идущим изнутри её пересмотренной картины мира.

— Ты уже это говорила.

— Повторяю, потому что никак не решу, хорошо это или плохо.

— Не нужно ничего решать, Райя.

— Мне — нужно.

Она взглянула на него в упор, без тени извинения за свою прямолинейность. Её ноздри едва заметно расширились.

— Ты либо угроза, либо нет. От этого зависит стратегия.

— Какая стратегия? — Кай позволил себе едва заметную тень улыбки. — Ты заперта в клетке.

— У меня всегда есть стратегия. Даже если я при смерти.

— Даже когда стратегии нет?

— Особенно тогда, — в её голосе звякнула острая, как скальпель, нотка юмора. — Когда плана нет, это и есть лучший план: быть абсолютно непредсказуемой.

— Ты предсказуема.

Райя резко вскинула голову. Её плечи напряглись под тонкой тканью.

— Что?

— Предсказуема, — повторил он, опускаясь в кресло с кружкой дымящегося чая. — Когда тебе скучно — ты крушишь мебель. Когда злишься — швыряешь еду. Когда не понимаешь происходящего — атакуешь. А если не можешь атаковать — начинаешь провоцировать.

Кай сделал неторопливый глоток, глядя на неё поверх края кружки.

— Это паттерны. Я вижу их насквозь.

— Я не думала... — она запнулась, и её пальцы непроизвольно сжали колено. — Не думала, что это так очевидно.

— Не для всех. Но я занимаюсь этим слишком долго.

— Изучением «Вторых»? Как подопытных крыс?

— Изучением поведения.

— Чтобы эффективнее охотиться?

— Раньше — да.

— А теперь?

— Теперь — чтобы понимать.

Разница была всего в одном слове, но она повисла между ними тяжёлым, гулким эхом. Кай произнёс его намеренно, и Райя это почувствовала.

— Понимать меня, — выдохнула она, и её взгляд стал не по-звериному тяжёлым.

— Понимать ситуацию.

— Не лги мне.

Кай промолчал, и это молчание красноречивее любого признания заполнило bunker.

Ночь навалилась на убежище привычным грузом. Свет не гас, но воздух стал иным — густым, пахнущим разогретым металлом и смолой. Кай закрыл заслонки, выставив их в нужное положение, и подбросил дров. Чугун печи начал издавать утробное рычание, постепенно прогревая бетонные стены до жилых десяти-двенадцати градусов.

Он стоял спиной к клетке, помешивая угли, но кожей чувствовал её взгляд. С тех пор как она упомянула его дыхание,

он стал действовать осознанно. Не скованно, нет — просто теперь он знал, что здесь, в этой стальной коробке, он виден ей до мельчайшего жеста.

— Тот концентрат, который ты притащил утром... — начала она.

— Знаю. Дрянь редкостная.

— Он смердит. Но я бы его сожрала. Если бы не осталось выбора.

Кай обернулся.

Райя смотрела на него с той обезоруживающей честностью, которая была её инстинктом, а не осознанным выбором. В её позе появилось что-то обманчиво-мягкое, почти кошачье.

— Банку с мясом ты всё же съела, — заметил он.

— Съела. Но не думай, что я сдалась.

— Я так не думаю.

— Хорошо. Потому что я не сдамся никогда.

— Вижу.

— Просто... — она запнулась, подбирая слова, её губы на мгновение дрогнули. — Даже для того, чтобы ненавидеть, нужны силы. А для сил нужно топливо. Человеческая еда даёт энергию для человеческих дел. А мне нужны силы на другое.

— На что же?

— На то, чтобы дождаться момента.

Она улыбнулась — узко, хищно, обнажая зубы. В этой

улыбке не было радости, лишь чёрное веселье существа, которое знает свою природу и не стыдится её.

— Ты ведь понимаешь, Чистильщик: я всё равно уйду. Блокираторы выветрятся. Стены рано или поздно раскрошатся. Замки подведут. И тогда момент настанет.

— Он настанет, — спокойно согласился Кай.

— И ты не боишься меня? Совсем?

— Нет.

— Ты обязан бояться. Это твой долг.

— Обязан — не значит буду.

Райя замолчала, жадно вглядываясь в его лицо, словно пыталась найти в нём трещину, признак подвоха.

— Тебе не нужно выживание, — произнесла она медленно, почти шёпотом. — Я поняла это ещё в первый день. Ты не делаешь ничего ради того, чтобы просто «быть». Ты делаешь всё ради... продолжения. Просто чтобы завтра был ещё один шаг. Без цели. Без надежды на финал.

— Звучит как приговор.

— Это просто наблюдение.

— И какой из него вывод?

Она опустила взгляд на свои руки, которыми теперь медленно перебирала край одеяла.

— Никакого. Просто... я тоже так умею. Не смотреть на горизонт, только под ноги, на следующий шаг. Так проще.

— Я знаю.

— Откуда тебе знать?

— Это единственный способ годами заниматься тем, чем занимаемся мы с тобой. И не сойти с ума.

В наступившей тишине снова возникло это странное узнавание. Схожесть двух изломанных инструментов, которые вопреки всему продолжали работать.

— Перестань заводить эти часы каждый божий день, — вдруг бросила она, нарушая момент.

— Нет.

— Они раздражают. Своим «тик-так» выедают мозг.

— Привыкнешь.

— Не хочу привыкать к твоему покойнику!

— Это не тебе решать, — Кай коснулся пальцами стекла часов. — Они идут. И будут идти.

Райя долго смотрела на его запястье. Её взгляд из яростного стал задумчивым, почти печальным.

— Железное сердце мертвеца, — повторила она тихо, без прежней злобы. Просто факт.

— Да.

— Но ты ведь не мертвец. Пока ещё.

— Пока нет.

— Значит, у тебя есть шанс снова стать настоящим. Хотя бы на мгновение.

Она резко отвернулась к стене, скрывая лицо в тени.

— Спокойной ночи, Кай.

Она произнесла эти слова так, будто пробовала на вкус совершенно незнакомый плод — аккуратно, по слогам, взве-

шивая каждое созвучие. Это было впервые в её жизни, и от этого звук её голоса показался Каю почти интимным.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Вентиляция монотонно гудела, печь изредка щелкала остывающим металлом. Тиканье часов заполняло пространство бункера, отмеряя время их странного перемирия.

Впервые за три дня здесь было по-настоящему тепло.

# ГЛАВА 5: ПЕРВЫЙ РЕЗОНАНС

Генератор испустил дух в двадцать три часа четырнадцать минут.

Он не взорвался, не завыл сиреной и не издал ни единого предсмертного стога, который мог бы послужить предупреждением. Просто сухой, короткий щелчок — будто сломалась спичка — и свет мгновенно исчез. Все три аварийные лампы погасли одновременно. Аккумулятор, лишившись подпитки от дизельного агрегата, продержался жалкие четыре секунды на остаточном заряде и тоже сдался.

Тьма стала абсолютной, тяжёлой и непроницаемой.

Кай не спал. В последние дни он редко ложился раньше полуночи, потому что ночи в бункере перестали быть временем покоя. До её появления он мог часами лежать с закрытыми глазами в безликой тишине, позволяя организму восстанавливаться. Теперь тишина была другой. Она была наполнена звуками её дыхания, шорохом движений и запахом её кожи. Этот аромат — дикий, острый, пробивающийся сквозь вонь ржавчины и оружейного масла — существовал в пространстве бункера как отдельный, почти осязаемый слой.

Он сидел у стола, вглядываясь в синеватое свечение тактического фонарика и перечитывая записи в планшете, когда мир окончательно погрузился во мрак.

Первые несколько секунд Кай провёл в полной неподвиж-

ности. Старая привычка оперативника: сначала замереть, превратившись в слух, собрать информацию и только потом действовать. Вентиляция замолчала. Её гул был настолько привычным фоном, что его отсутствие давило на барабанные перепонки. Из ниши доносился тихий треск остывающей печки — она ещё отдавала тепло, но без тяги и вентиляции дым неизбежно пойдёт внутрь. Из клетки доносилось ровное, глубокое дыхание.

Она спала.

Кай включил фонарик. Узкий луч ударил в потолок и рассеялся тусклым пятном. Он встал и прошёл к генератору — древнему дизельному сердцу бункера, стоявшему в углу за кладовкой. Этому агрегату было столько же лет, сколько и самому убежищу. Поддерживать жизнь в советской технике вековой давности в условиях Серой зоны было делом чести, но количество попыток всегда ограничено износом металла.

Он откинул крышку. Луч осветил поломку: топливный насос. Мембрана не выдержала. Она треснула не от старости, а от запредельного холода. Последние двое суток снаружи было минус тридцать пять, и даже изоляция не спасла систему. Трещина была аккуратной, почти хирургической. Починить её можно было, но для этого требовались детали и время, которого не было. Импровизированный ремонт в темноте и на холоде займёт часы, и всё это время бункер будет оставаться без света, тепла и кислорода.

Кай закрыл крышку и посмотрел на механический термо-

метр на стене. Плюс шесть. Пока терпимо. Но печку нужно было гасить немедленно — без вентиляции угарный газ заполнит помещение за считанные минуты. Он перекрыл шибер.

С этим жестом в бункере исчез последний источник тепла. Температура начала падать.

Он быстро прикинул шансы. Бетон держит тепло, но при таком морозе снаружи к рассвету здесь будет около десяти градусов ниже нуля. Для него это было испытанием, но не приговором: у него был армейский спальник, рассчитанный на экстремальные температуры.

Для Райи это означало смерть.

Кай стоял посреди тёмного зала, и луч его фонарика дрожал на прутьях клетки. «Второй» под блокираторами, с серебряным отравлением в крови и незажившей раной — это не то же самое, что боевая единица в полной силе. В обычном состоянии её метаболизм включил бы режим гипертермии, превращая тело в живой реактор, способный плавить снег. Но химия в её жилах надёжно заблокировала мутацию.

Без «Адаптива» её физиология была лишь немногим крепче человеческой. И этого «немного» не хватит, чтобы пережить минус десять без одежды и укрытия. Переохлаждение наступит стремительно.

На термометре было уже плюс пять. Темп выравнивания с внешней средой нарастал.

Он шагнул к кладовке и достал свой спальник. Развернул,

ощупал плотную ткань. Один. Он всегда работал один и рассчитывал только на себя. Есть ещё то старое армейское одеяло, которое он отдал ей. Тонкая синтетика, бесполезная при минусовой температуре.

Он снова направил свет в клетку. Райя спала, свернувшись калачиком и подтянув колени к груди. Она ещё не чувствовала дыхания мороза, накопленное печью тепло всё ещё висело в воздухе неподвижным слоем.

Кай поставил фонарик на стол вертикально, чтобы свет отражался от потолка мягким, рассеянным ореолом. Сел на раскладушку. Его мозг работал чётко, отсекая нежизнеспособные варианты. Ремонт генератора в таких условиях — потеря с низким шансом на успех. Передать ей спальник, а самому остаться под одеялом? Спальник был слишком узок для её тела, и он не гарантировал выживания ослабленному организму.

Оставался третий вариант. Рациональный. Единственный.

Кай снова взглянул на термометр. Плюс три. Райя завозила в клетке, инстинктивно пытаясь плотнее закутаться в тонкое одеяло. Холод пробирался под ткань, заставляя её тело сжиматься.

Кай встал и начал раздеваться.

Он делал это методично, без лишней суеты. Сбросил куртку, снял верхний слой термобелья, оставшись в футболке и плотных хлопковых брюках. Разулся, аккуратно спрятав носки в ботинки. Каждый жест был отточен годами выживания.

Подхватив спальник, он подошёл к клетке. Защёлка поддалась с тихим звуком. Он вошел внутрь.

Райя лежала неподвижно, но он знал, что она не спит. Дыхание было слишком ровным, слишком контролируемым. «Вторые» часто притворялись спящими, оценивая намерения противника — этот хищнический рефлекс был у неё в крови.

— Я знаю, что ты не спишь, — произнёс он негромко.

— Знаю, что ты знаешь, — отозвалась она. Голос был хриплым и надтреснутым. Воздух в бункере уже начал обжигать лёгкие.

— Генератор вышел из строя. Печка отключена. Температура падает.

— Слышу. Вентиляция сдохла.

— Без тепла ты не дотянешь до утра.

Пауза затянулась, становясь тяжёлой и плотной.

— Не доживу, — просто согласилась она. В её интонации не было страха, только сухая констатация факта.

— Одного одеяла мало. Второго нет.

— Я поняла. — Она всё ещё не поворачивалась к нему.

— К чему ты клонишь, Чистильщик?

— Мне нужно лечь рядом. Чтобы сохранить тепло.

В клетке воцарилась тишина. Кай слышал, как изменился ритм её сердца — удары стали чаще, глуше. Он чувствовал, как она взвешивает его слова, пытаясь найти в них скрытую угрозу или подвох, и не находит.

— Это твоё решение, — наконец выдохнула она.

— Моё.

— Не моя просьба. Запомни это.

— Знаю. — Он помедлил долю секунды. — Можно?

Этот вопрос вырвался вопреки логике. Он мог просто лечь, это было бы оправдано обстоятельствами. Но ему было важно услышать её ответ. И Райя это поняла. Она почувствовала ту тонкую грань, которую он провёл между насилем и необходимостью.

— Ложись, — бросила она. Без тепла, без приглашения, просто позволяя неизбежному случиться.

Он опустился на изорванный матрас за её спиной. Лег не сразу вплотную, оставив несколько сантиметров пустоты. Развернул спальник, накрывая их обоих поверх её синтетического одеяла. Получился плотный кокон из двух слоёв.

Райя была натянута как струна. Каждая мышца её спины была напряжена, словно она в любую секунду ждала удара. Кай замер, стараясь дышать ровно.

Холод в бункере становился осязаемым. Без куртки футболка почти не защищала его кожу от ледяного воздуха, который просачивался под края спальника. Его руки и ноги остывали быстро, кровь отливала к центру, чтобы спасти внутренние органы.

А её спина была горячеей.

Не просто тёплой — от неё исходил жар, как от раскалённого камня. Даже на расстоянии нескольких сантиметров он

чувствовал это тепловое излучение. Базальная температура «Второй» была намного выше человеческой, и даже блокираторы не могли полностью погасить это внутреннее пламя.

Прошло пять минут. Холод стал невыносимым, и Кай решился.

Он придвинулся вплотную. Медленно, осторожно, стараясь не делать резких движений. Его грудь коснулась её лопаток. Райя вздрогнула, замирая, но не отстранилась.

Тепло ударило его, как волна от костра. Его ледяная кожа против её пышущего жаром тела — контраст был настолько резким, что по позвоночнику Кая пробежала судорога. Остывшие ткани отзывались колючей болью на этот внезапный перепад.

Райя тоже почувствовала этот холод.

— Ты ледяной, — прошептала она, не оборачиваясь.

— Да. Остыл.

— Это неприятно. словно к спине приложили кусок железа.

— Потерпи. Скоро пройдёт.

Он слышал её сердцебиение — ритмичный гул прямо через спину, сквозь плотную, живую ткань её тела. У «Второй» сердце билось иначе: реже человеческого в состоянии покоя, но куда глубже. Каждый удар отдавался выразительным толчком, рождая ощутимую вибрацию в рёбрах. Это напоминало глухие удары барабана за стеной — приглушённо,

но неоспоримо.

Бум. Бум. Бум.

Медленно. Уверенно. Так бьётся сердце хищника, умеющего выжидать добычу часами.

Температура в бункере продолжала падать, и Кай отслеживал это краем сознания. Ноль. Минус два. Минус пять. Воздух становился всё острее, приобретая тот специфический минеральный привкус, который появляется, когда холод вымораживает из пространства всё живое. Но под спальником рождался иной мир.

Её тепло, запертое под двойным слоем синтетики и армейского полотна, создавало градиент. От неё исходил почти обжигающий жар, от него — остужающая прохлада, и в месте их соприкосновения эти стихии смешивались в густой, интимный коктейль.

Кай дышал ровно. Она — тоже.

Прошло десять минут, и он почувствовал, как что-то в её теле начало меняться. Она не расслабилась в обычном понимании, но её спина перестала напоминать обнажённый клинок. Мышцы вдоль позвоночника, натянутые как стальные жилы, медленно отпускали напряжение, словно металл под воздействием ровного пламени.

— Ты не двигаешься, — прошептала она в темноту.

— В этом нет необходимости.

— Другие бы... двигались.

— Я не другие.

— Нет, — согласилась она, и её голос прозвучал тише, мягче. — Совсем не другие.

Примерно через час её начало трясти.

Сначала Кай решил, что это его собственное дыхание создаёт иллюзию движения, но вскоре осознал правду. Её организм, выжигавший ресурсы на поддержание температуры, начал давать сбои. Блокираторы вступили в конфликт с инстинктом выживания мутации.

Серебряная лихорадка.

Он знал об этом из секретных протоколов Корпорации: мелкая, непрерывная, изматывающая дрожь, которая парализует «Второго» при резком стрессе. Райя не жаловалась. Она просто дрожала — сначала едва заметно, затем всё сильнее, пока её тело не превратилось в вибрирующую струну под высоким напряжением. В тишине он услышал скрежет. Её челюсти сжались с такой силой, что зубы терлись друг о друга, издавая неприятный, сухой звук.

— Райя?

— Не надо... — выдохнула она сквозь стиснутые зубы. — Я справлюсь сама.

— Не справляешься.

— Справлюсь!

— Это серебряная лихорадка, Райя. Твоё тело воет само с собой.

Её сотрясало уже по-настоящему крупно.

— Знаю, — отрезала она.

— При таком истощении это опасно. Тебе нужно тепло. Настоящее, изнутри.

— У меня нет этого «изнутри», Кай! — В её голосе прорезалось что-то, чего он никогда не слышал — не слабость, а первобытная правда. — Блокираторы давят снаружи, мутация — изнутри. Моё тело пытается стать тем, чем ему запрещено быть. Это... это просто нужно пережить.

— Сколько это продлится?

— Зависит от многого. — Она замолчала, пережидая очередной приступ скрежета зубов. — Иногда час. Иногда до самого рассвета.

До рассвета оставалось бесконечных пять часов. Кай чувствовал её дрожь каждой клеточкой своей груди; эта вибрация передавалась ему, как гул далёкого генератора через бетонный пол.

Он обнял её.

На этот раз без вопросов. Просто накрыл её плечи правой рукой, намертво припечатав её спину к своей груди. Левая рука легла ей на живот — не в поиске интима, а ради того, чтобы замкнуть контур.

Райя мгновенно превратилась в камень. Рефлекс броска, рефлекс убийства. Он почувствовал это каждой мышцей и не шелохнулся.

— Тепло, — произнёс он. Одно слово вместо тысячи оправданий.

— Убери руки, — прошипела она.

— Нет.

— Убери, Кай!

— Нет.

Она замерла. Напряжение в её теле достигло точки кипения — ещё секунда, и это превратилось бы в драку, в кровавую схватку в тесном мешке. Но импульс не последовал. Дыхание Райи, частое и рваное, начало медленно выравниваться.

— Ты... тёплый, — сказала она с оттенком искреннего удивления.

— Ты сама себя согреваешь.

— Я — огонь. Ты — уголь, — выдохнула она, и в этой фразе была физика их существования. — Уголь загорается от огня.

— Верно.

— Это нечестно.

— Почему?

— Ты забираешь моё тепло. Пользуешься им.

— Я даю тебе вес, — спокойно ответил он. — Давление тела усмиряет лихорадку. Это механика, Райя.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я читал отчеты.

— Корпорация изучает даже наши страдания.

— Она изучает всё. Без исключений.

Она замолчала. Дрожь не исчезла, но стала ровнее, утратив свою хаотичную, рваную природу. Под его ладонями

пульсировала её жизнь. Тонкая ткань футболки почти не ощущалась — он чувствовал кожей её горячую плоть.

Его часы на левом запястье оказались у самого её уха. В этой гулкой пустоте бункера их тиканье звучало как работа метронома. Райя прислушалась. Он понял это по тому, как она затаила дыхание.

— Слышишь? — спросил он.

— Слышу.

— Ритм.

— Да.

Дрожь угасла ещё на одну октаву.

К часу ночи температура в бункере упала до минус семи. Воздух обжигал ноздри, щипал открытую кожу лица. Но внутри их маленького кокона царило странное равновесие. Лихорадка отступила к полуночи. Когда Кай почувствовал, что последняя волна дрожи покинула её тело, он непроизвольно выдохнул.

— Прошло, — прошептала она.

— Я чувствую.

— Ты чувствуешь слишком много. Как ты?

— Устал. Спи, Райя.

— Ты не убираешь руки.

— Не уберу.

— Они были холодными. А теперь — нет.

Он согрелся её пламенем. Её метаболизм работал как неугасимая печь, и теперь он просто существовал в этом ко-

коне тепла. Это было непривычно: не планировать, не анализировать угрозы. Просто быть.

— Кай?

— Да.

— Почему ты заводишь их? Эти часы. Каждый божий день. — Её голос стал сонным, тягучим, теряя острые углы. — Ты мог бы назвать это суеверием. Но ты продолжаешь.

— Это ритм, — ответил он.

— Ритм чего?

— Просто ритм. Когда рушится всё остальное — он остаётся.

— Когда ничего нет... — повторила она за ним. — Расскажи мне. Что это значит для тебя?

Кай помедлил. Тьма и общая кожа стирали границы дозволенного. В этом пространстве слова обретали иной вес.

— У меня была семья, — начал он ровно, лишая слова лишних эмоций. — Давно. Когда начались первые чистки. Я был на задании, а когда вернулся... сектор уже зачистили. Я сначала не понял. Думал — это работа «Вторых».

— Наши, — выдохнула она.

— Корпорация. «Превентивные меры». Там нашли носителей мутации и решили проблему радикально — утилизировали весь квартал.

Тишина стала такой плотной, что тиканье часов превратилось в грохот.

— Дети? — тихо спросила она.

— Да.

— Твои?

— Мои.

Райя не пошевелилась, но он почувствовал, как она замерла внутри.

— Железное сердце покойника, — прошептала она, и теперь в этой фразе не осталось ни яда, ни насмешки. Только печаль. — Теперь я понимаю.

— Да.

— И ты продолжаешь их заводить.

— Отец давал мне их в детстве. Заводи, говорил, каждый день. Ритм держит мысли в строю. Я и завожу.

Она долго молчала. А потом, медленно и осторожно, коснулась его левой руки. Её пальцы обвились вокруг его запястья, и большой палец лёг прямо на стекло часов. Она не просто касалась — она слушала. Слушала вибрацию механизма кожей, воспринимая тиканье как тактильную правду.

— Тик-так, — прошептала она сама себе.

— Да.

— Похоже на сердце. Я думала, что ненавижу этот звук. Но он... он честный. Он никогда не сбивается.

— Никогда.

— Это хорошо?

— Не знаю. Это просто есть.

Она не отпустила его руку. Они лежали в этом хрупком равновесии тепла, пока холод снаружи безуспешно пытался

прогрызть стены бункера.

Кай не заметил, когда она уснула. Её дыхание стало тяжелым и глубоким, а хватка на запястье ослабла, но палец всё так же покоился на корпусе часов. Она держала его время в своей ладони даже во сне.

Он закрыл глаза только к трём часам ночи. И впервые за долгие годы ему не снились ни огонь, ни крики, ни пепел защищенных секторов. Только густая, обволакивающая темнота и мерный ритм, бьющийся под подушечкой её пальца.

Утро вползло в бункер ледяным дыханием.

Ни рассветного луча, ни проблеска надежды — лишь застывший, колючий воздух. Кай почувствовал холод прежде, чем разомкнул веки: кончик носа онемел, а каждый выдох превращался в облачко пара, оседавшее влажной изморозью на губах.

Он открыл глаза.

Темнота в помещении стала серой, бесплотной. Это был не свет, а скорее отсутствие плотности — накопленный стенами холод менял саму оптику пространства. Tактический фонарик на столе, забытый в ночном забытии, едва теплился, испуская тусклый, умирающий ореол. Батарея была на исходе.

Он лежал с ней. Эта мысль пришла первой — не дезориентация, не вопрос «где я», а констатация факта: её тело рядом. Она была впереди, он — сзади, прильнув к её лопаткам.

Её пальцы всё ещё сжимали его левое запястье. Хватка за ночь не разомкнулась, лишь чуть ослабела, став мягче, доверительнее. Его правая рука по-прежнему покоилась на её плечах, удерживая её в этом коконе безопасности.

Ничего не изменилось.

Методичная проверка, въевшаяся в подкорку: шея целая, дыхание ровное. Она спала. По-настоящему. Глубоко, без той подчёркнутой неподвижности, которой «Вторые» маскируют бдительность.

Она его не убила.

Эта третья мысль принесла с собой нечто, для чего у Кая не было готового термина. Не просто облегчение — что-то более тонкое и хрупкое. Это чувство тянулось из вчерашней ночи, от его рассказа о семье и от того, как она слушала, прижимая палец к его пульсирующим часам. В этой темноте не существовало Корпорации, не было охотника и жертвы — только два тела под общим покрытием.

Кай не двигался. Он не хотел её будить. Это странное, нерациональное «не хотел» он зафиксировал, но не стал препарировать анализом.

Термометр. Нужно проверить приборы. Оценить ущерб. Оживить генератор. Составить план. Всё это ждало своего часа, выстроенное в ровные колонки задач.

Но сейчас... сейчас были только секунды тишины, запах её волос и тиканье старого механизма.

Её пальцы на его запястье внезапно сжались сильнее. Это

было рефлекторное движение — так тело во сне реагирует на близость, цепляясь за единственный источник тепла.

Кай смотрел в серую мглу над её плечом. Он просто был. Просто существовал здесь и сейчас, и этого было достаточно.

Она проснулась плавно. Граница между сном и явью стёрлась. Кай ждал привычного рывка — когтей, попытки вскочить, яростного отчуждения. Но Райя осталась лежать неподвижно. Лишь её дыхание изменилось, став более осознанным. Она вспоминала. Осознавала тяжесть его рук и чужое тепло, пропитавшее её кожу.

— Ты спал, — произнесла она наконец, не оборачиваясь. Голос был низким и чуть хриплым.

— Да.

— Ты спал... по-настоящему. Почти беззащитно.

— Да.

— Это странно.

— Почему?

— Потому что ты спал рядом со мной, — она чуть повернула голову, так что прядь волос коснулась его лица. — Это должно было быть невозможным. Ты обязан был лежать с открытыми глазами до самого рассвета, ожидая удара в горло.

— Я спал, Райя.

— Я знаю. Я чувствовала твой ритм.

Кай чуть помедлил, прежде чем произнести вслух то, что вибрировало в воздухе.

— Ты не убила меня.

— Нет, — коротко бросила она.

— А ведь могла.

— Могла. — Её пальцы на его руке едва заметно шевельнулись, погладив кожу. — Ты спал без снов, Кай.

— Откуда ты знаешь?

— У тех, кому снятся кошмары, дыхание сбивается. Оно становится рваным, тяжёлым. А ты дышал ровно. Всю ночь. Словно тебе наконец-то... разрешили отдохнуть. У тебя давно не было такой ночи?

— Давно.

— Когда плохие сны просто исчезают?

— Да.

Наступила тишина. Тягучая, как смола.

— Ты держала часы, — напомнил он.

— Знаю.

— Всю ночь.

— Знаю, — повторила она, и в её голосе проскользнуло что-то похожее на смущение, тщательно скрытое за резкостью. — Я не... я не специально. Просто слушала. А потом провалилась в сон. Не говори об этом ничего.

— Хорошо.

— И не строй теорий. Не делай никаких выводов.

— Хорошо.

Она отпустила его руку — медленно, бережно, словно снимала ладонь с оголённого провода. Отодвинулась, разрывая телесный контакт, и этот жест был первым осознанным

движением после долгой ночи. Райя повернулась к нему. В сером, призрачном свете бункера её лицо казалось высеченным из бледного камня.

Они смотрели друг на друга в упор.

В её янтарных глазах больше не было привычных щитов: ни яда, ни фальшивой сексуализации, ни ледяной осторожности. Просто прямой, обнажённый взгляд существа, которое видит другого человека без прикрас.

— Ты совсем один, — сказала она.

— Да.

— И это длится долго.

— Очень.

— Это больно?

Кай замер, глядя в эти глаза, которые, казалось, видели все его шрамы — и внешние, и те, что поглубже.

— Это нормально, — ответил он, и его голос прозвучал суше, чем он хотел. — Я привык.

— К боли привыкают через онемение. — Она кивнула головой, не сводя с него глаз. — К одиночеству нельзя привыкнуть. Его можно только перестать называть по имени.

— Это и есть привычка.

— Нет. Это отказ. Если ты его не называешь, значит, ты его не признаёшь. А если не признаёшь, значит...

Она осеклась, не став заканчивать фразу. Кай не стал настаивать.

— Как твоя рана? — спросил он, переламывая момент.

Райя поняла этот манёвр. Она позволила ему уйти в сторону безопасности.

— Нормально. — Её ладонь автоматически скользнула к боку. — Холод притупил боль. Как ни странно, стало легче.

— Серебряный токсикоз затихает при низких температурах.

— Опять цитируешь инструкцию для оперативников?

— Это медицинский протокол.

По её губам скользнула мимолётная тень — не улыбка, но некое признание их общей, изломанной реальности.

— Медицинский протокол... — эхом отозвалась она. — Ну разумеется.

Кай рывком сел. Он откинул спальник, и ледяной воздух тут же впился в его тело, пробираясь под футболку. Не подав виду, он встал и подошёл к приборам.

— Минус восемь, — констатировал он. — Терпимо. Для тех, кто дожил до утра.

— Что теперь?

— Починю генератор.

— Хорошо.

— Это займёт пару часов. Минимум.

— Я подожду. Другого выхода у меня всё равно нет.

— Я знаю.

Кай собрал инструменты, его движения были скупыми и точными. Перед тем как скрыться в нише с агрегатом, он обернулся.

Райя сидела в клетке, зябко кутаясь в одеяло. Она смотрела на него — прямо, не отрываясь. В её позе, в том, как она сложила руки на коленях, появилось что-то новое. Словно два острых камня, долго тершиеся друг о друга, наконец начали приобретать общую форму в месте стыка.

— Тик-так, — тихо произнесла она.

Кай замер.

— Да.

— Этот звук всё ещё бесит, — добавила она, и в её взгляде мелькнула искорка прежнего вызова. — Просто сегодня — чуть меньше, чем вчера.

Он кивнул и повернулся к генератору.

Вскоре тишину бункера заполнил скрежет металла и его тяжёлое дыхание.

## ГЛАВА 6: СДЕЛКА ВЫЖИВШИХ

Генератор ожил в восемь утра.

Кай потратил на него три часа и двадцать минут — он за счёт время машинально, по привычке, которую не могли вытравить ни изнуряющая усталость, ни пронизывающий холод. В помещении было минус восемь; пальцы теряли чувствительность каждые двадцать минут, становясь чужими и непослушными. Мембрану топливного насоса он соорудил из запасной детали к вентиляции: материал был иным, толщина не та, но как временное решение — сойдёт. Он затянул последний болт и нажал на пуск.

Щелчок. Натужный кашель металла. Гул.

Свет возвращался неохотно. Аварийные лампы вспыхивали поочерёдно, по мере того как оживал аккумулятор. Сначала одна, затем вторая, третья — тусклые, болезненно-жёлтые, но они победили тьму. Вентиляция отозвалась низким рокотом, наполняя бункер привычным фоновым шумом, от которого закладывало уши.

Кай медленно разогнулся, чувствуя, как хрустит позвоночник. Он вытер ладони о грязную ветошь, но смазка уже въелась в поры и трещины старых мозолей, оставив на коже несмываемый чёрный рисунок. Он постоял над агрегатом, слушая его ритм — ровный, здоровый. Хорошо.

Он обернулся.

Райя сидела на полу клетки, не сводя с него глаз. Одеяло было накинуто на плечи и плотно запахнуто — не как согревающая ткань, а как броня, скрывающая руки. Этот новый жест, закрытый и настороженный, резанул его по глазам, но Кай предпочёл проигнорировать это ощущение.

— Работает, — бросил он.

— Слышу.

— Через час станет теплее.

— Знаю.

Они избегали смотреть друг другу в глаза дольше секунды. Это было новое, липкое чувство, похожее на тяжёлое похмелье — не от спиртного, которого он не касался уже несколько дней, а от пережитой ночи. В темноте их близость казалась единственным спасением, но при свете ламп она требовала объяснений, к которым ни один из них не был готов.

Он подошёл к плитке, наполнил чайник и щёлкнул выключателем.

— Тебе нужно поесть. Лихорадка сжирает ресурсы.

— Знаю.

— Она выматывает.

— Знаю, Кай, — в её голосе прорезалась странная интонация. Она произнесла его имя с каким-то особенным весом. — Мы оба слишком часто говорим «знаю». Это удобное слово. Оно позволяет нам продолжать молчать о главном.

Кай не сводил глаз с закипающего чайника.

— Ты хочешь поговорить?

— Нет.

— Хорошо.

— Ничего хорошего, — она резко подалась вперёд. — Я хочу, чтобы ты перестал вести себя так, будто между нами лежит тонкое стекло.

— Я веду себя как обычно.

— Да? Ты чистишь свой ствол уже третий раз за утро. Я слышала звук затвора, пока ты возился с генератором.

Он перевёл взгляд на стол. Там действительно лежал разобранный пистолет и идеально чистая ветошь. Руки сработали сами, пока мозг был занят другим.

— Это привычка.

— Это побег, — отрезала она. — Когда тебе нужно что-то переварить, ты уходишь в механику. Инструменты, железо, смазка... Ты не чистишь оружие, Кай. Ты думаешь руками.

Кай усмехнулся, признавая поражение.

— Твоя правда.

— Я знаю, — в её ответе на миг мелькнула тень прежнего острого юмора.

Он опустился на табурет и взял затвор. На этот раз осознанно.

— Ночью... — начала она, и её голос стал тише. — Ты рассказал о своей семье.

— Рассказал.

— Не жалеешь? Что открылся мне?

— Жалею ли я? — он задумался, прислушиваясь к пустоте внутри.

Там, где раньше пульсировала старая рана, теперь было странное онемение. Будто он снял с плеч неподъёмный груз и теперь привыкал к пугающей лёгкости.

— Нет, — ответил он наконец. — Не жалею.

— Хорошо. Я не стану использовать это как оружие. Обещаю.

— Я знал это, Райя.

— Откуда?

— Потому что ты — это я. Только с другой стороны зеркала.

— Такая же... — прошептала она, пробуя слово на вкус.

— У тебя тоже есть то, что нельзя трогать. Твоя личная выжженная земля. Ты не назвала её, но я чувствую её запах.

Райя замолчала. Тишина затянулась, становясь густой и осязаемой.

— Лаборатория, — выдохнула она наконец.

— Да.

— Но это не для сегодняшнего утра. Не сейчас.

— Согласен.

Чайник запел, выпуская струю пара. Кай заварил два стакана — крепкий, почти чёрный чай. Райя внимательно следила за его движениями.

— Ты сделал на двоих.

— Как видишь.

Он пододвинул её стакан через заслонку. Райя обхватила его обеими руками, даже через одеяло чувствуя живительный жар. Они пили молча, слушая, как оживает бункер. Холод отступал медленно, неохотно сдавая позиции дюйм за дюймом.

Закончив с чаем, Кай привычно полез в карман. Достал часы, щёлкнул крышкой.

И замер.

По стеклу змеилась тонкая, как волос, трещина. Она началась у самого края и уходила к центру циферблата. Стекло держалось, но целостность была нарушена. Кай осторожно провел пальцем по излому — подушечка зацепилась за едва ощутимый выступ.

Он повернул заводную головку. Механизм отозвался, но в привычном «тик-так» появилась заминка. Крошечная, почти призрачная пауза, будто одна из шестерёнок на мгновение теряла сцепление с реальностью.

— Трещина? — донеслось из клетки. Она всё слышала.

— Да. По стеклу.

— И ход сбился?

— Немного.

— Ронял?

— Нет. Думаю, перепад температуры. Мороз сделал металл хрупким.

Он убрал часы в карман. Они шли, и этого было достаточно, чтобы не сойти с ума. Он не хотел думать о символизме

этой трещины — сейчас были дела поважнее. Кай встал и направился к пульту управления.

Система внешнего наблюдения была запитана от автономного блока. Четыре камеры передавали зернистое, серое изображение на старые мониторы. Снаружи бушевал снег — плотный, горизонтальный, он залеплял объективы, превращая картинку в месиво из помех.

Кай всмотрелся в экран, и его спина мгновенно одеревенела.

На камере у главного входа мелькнула тень. Затем ещё одна. Он быстро отмотал запись на два часа назад и пустил её на ускоренном просмотре.

Первый силуэт — в пять минут девятого. Второй — через десять минут. Теперь, в реальном времени, он видел уже семь теней. Это были профессионалы: они знали слепые зоны и держались на грани обзора.

Кай переключился на периферийные камеры. Там картина была ещё хуже. С северо-запада заходили ещё пятеро. Они двигались странно: рвано, с резкими ускорениями и непонятными заминками. Так не ходят регулярные части или дисциплинированные наёмники.

Адреналиновые наркоманы. «Стервятники».

Их движения выдавали химический штурм. Дешёвые синтетические стимуляторы Серой зоны давали силу, но убивали координацию и периферийное зрение. Стервятники не знали страха, но и жалости не знали тоже.

Двенадцать человек.

Кай быстро прикинул боезапас. У него было серебро на девятих — если бить без промаха. Против обколотых людей серебро было роскошью, но обычного свинца в разгрузке было всего на две обоймы. Математика была дрянной: двенадцать против одного. Двенадцать озверевших теней против запечатанного бункера.

Они не уйдут. Они пришли вскрывать консервную банку.

Кай смотрел на экран, по которому в снежной круговерти скользили убийцы. Мозг работал в режиме боевого процессора, отсекая лишнее. Ждать? Бессмысленно. Бежать? Запасной выход уже перекрыт. Держать оборону? Боеприпасов не хватит.

Оставался четвёртый вариант.

Кай медленно повернул голову и посмотрел на Райю. Затем его взгляд переместился на её запястья. Серебряные браслеты блокираторов тускло блеснули в жёлтом свете ламп. Технология «Чистых», нейросупрессоры, подавляющие саму суть «Второго».

Снять их — значило выпустить на волю смерть. Ту самую смерть, которую он сам когда-то поклялся истреблять.

Двухметровый монстр из шерсти и костяных пластин.

Тварь, чьи когти вспарывают бронированную сталь как фольгу. Существо, чьей ярости хватило, чтобы в одиночку перемолоть тридцать элитных бойцов «Чистых» в мясорубке завода «Авангард».

Кай встал. Подошёл к оружейному шкафу, откинул крышку, достал второй пистолет. Проверил обойму — полная. Вернул в кобуру. Взял ещё три магазина, распихал по карманам куртки. Набросил её на плечи. Затем методично, вслепую ощупал разгрузку с серебряными зарядами, которую не снимал с первого дня. Каждый патрон на месте.

Он подошёл к клетке.

Райя стояла у прутьев и неотрывно смотрела на мониторы. Нет, она не смотрела — она слушала. Её изменённый слух просеивал сквозь помехи камер то, что происходило снаружи, улавливая нюансы, недоступные микрофонам.

— Двенадцать, — произнесла она, не оборачиваясь. — Возможно, тринадцать. Ещё один держится в арьергарде.

— Тринадцать.

— Они накачаны химией. Я слышу их сердцебиение — рваное, слишком частое. Гормоны.

— Стервятники.

— Они знают, что ты здесь?

— Либо знают, либо прочёсывают квадрат вслепую. — Кай смотрел на её профиль. — В любом случае, они пришли не в гости. Уйти не дадут.

— И каков твой план?

Кай поднял руку. В его пальцах блеснул маленький серебряный ключ с резьбой на конце. Ключ от блокираторов.

Райя посмотрела на ключ. Затем медленно перевела взгляд на его лицо.

По её лицу скользнула сложная тень. Это не был ни страх, ни триумф. Это было выражение узника, который годами мечтал о свободе, но теперь, увидев распахнутую дверь, замер, оценивая глубину пропасти за порогом.

— Это риск, — выдохнула она.

— Да.

— Это огромный риск, Кай.

— Да.

— Ты хоть понимаешь, что произойдёт, когда ты снимешь это с меня?

— Прекрасно понимаю. — Он смотрел ей прямо в глаза, не моргая. — Ты станешь в несколько раз сильнее и быстрее меня. Ты сможешь сломать мне шею прежде, чем я успею снять оружие с предохранителя.

— И ты всё равно хочешь это сделать?

— Да.

— Почему?

— Потому что мне нужно твоё тело, — произнёс он без фальшивой бравады, констатируя факт. — Тринадцать обколотых ублюдков. У меня не хватит патронов. Без тебя я сдохну.

— А со мной?

— Шансы выравниваются.

— Ты мне доверяешь?

— Нет. — Кай покачал головой. — Я доверяю твоему инстинкту самосохранения. Тебе выгодно, чтобы я жил. Если

я умру, они вскроют бункер и заберут тебя. Ты представляешь, что сделает дюжина обдолбанных стервятников с бесконечно красивой девушкой, запертой в клетке? Со мной у тебя есть шанс выйти отсюда. Без меня — только ад.

Райя смотрела на него долго, оценивающе, словно взвешивая каждое слово на невидимых весах.

— Это честно, — произнесла она наконец. — Жестоко, но честно.

— Я не умею иначе.

— Ты будешь держать меня на прицеле.

— Да. Пока снимаю браслеты — ствол будет направлен на тебя. Это не угроза, Райя. Это протокол безопасности. Ты знаешь разницу.

— Знаю. — Она чуть склонила голову. — Ты выстрелишь, если трансформация пойдёт... не по плану.

— Если ты бросишься на меня — да. Выстрелю.

— Серебром.

— В голову.

Повисла пауза. Райя опустила взгляд на свои запястья. В её глазах появилось то самое выражение затаённой боли, которое он видел, когда она вспоминала лабораторию.

— Три дня, — прошептала она.

— Что?

— Я ношу их три дня. — Она приподняла скованные руки. — Три дня непрерывной, тупой боли. Вот здесь, — она коснулась основания черепа, — и вот здесь. — Ладонь легла

на шею. — Словно что-то живое кричит внутри и не может выбраться. Три дня, Кай.

— Я знал, что нейросупрессоры вызывают дискомфорт.

— Ты знал теорию из методички! — Её голос дрогнул, обнажив уязвимость. — Ты не знал, каково это — быть запертой в собственной шкуре и задыхаться. Снимай. Я готова.

Кай достал пистолет. Большим пальцем снял с предохранителя. Поднял оружие и направил ствол ей в грудь. Райя даже не дрогнула. Ни попытки отстраниться, ни расширившихся от страха зрачков. Она смотрела прямо на него, дыша ровно и глубоко.

Он отпер дверцу клетки.

Шагнул внутрь.

Оказался вплотную к ней. Пистолет в правой, ключ — в левой. Она сама протянула ему запястья, не дожидаясь приказа. Это движение не было покорным; это было партнёрство палача и жертвы перед общим врагом.

Первый браслет.

Кай вставил ключ. Два оборота. Сухой щелчок. Тяжёлый серебряный полукруг раскрылся и упал бы на пол, если бы Райя не перехватила его левой рукой. Она сжала металл так побелели костяшки, словно держала в кулаке саму свою ненависть.

Кай перешёл ко второму.

Два оборота... И в этот момент пространство внутри клетки изменилось. Воздух стал плотнее. Запах мускуса, ис-

ходивший от её кожи, стал резким, густым, обжигающим. К нему примешался животный аромат разогретого перед прыжком металла.

Щелчок. Второй браслет раскрылся.

Это был не взрыв. Это был прилив.

Сначала изменились глаза. Янтарная радужка налилась жидким золотом, тем самым, что горит в эпицентре пожара. Зрачки дрогнули и за секунду вытянулись в горизонтальные щели. Кай наблюдал это превращение с расстояния вытянутой руки.

Затем преобразилось тело.

Кожа на её плечах и руках перестала казаться просто человеческой. Она словно засияла изнутри, пульсируя скрытым напряжением. Под ней перекачивались ожившие мышцы — они пробуждались после трёх дней паралича, медленно, осторожно, словно проверяя, не обман ли это, не ловушка ли.

Её дыхание стало глубже, шире, в нём появились гортанные, хищные нотки.

Райя стояла неподвижно. Она смотрела сквозь Кая, вглядываясь в то место внутри себя, где три дня была пустота, а теперь бушевал первобытный шторм. Её организм адаптировался к вернувшейся силе.

— Ты в порядке? — тихо спросил Кай.

— Тихо, — выдохнула она. Не как приказ, а как просьба.

— Просто дай мне секунду.

Он ждал.

Двадцать секунд.

Тридцать.

Затем Райя сделала долгий, глубокий выдох, идущий из самых недр её диафрагмы. Её плечи расправились, став шире. Всего на пару сантиметров, но этого было достаточно, чтобы понять — перед ним стоит другое существо. Существо, обретшее свою истинную форму.

— Больно, — произнесла она, констатируя факт без тени жалобы.

— Регенеративный шок после блокираторов.

— Да. Словно кровь оттаивает в венах. — Она медленно сжала и разжала кулаки, проверяя функциональность. — Суставы горят огнём. Это пройдёт.

— Как долго?

— Минут десять. — Она подняла на него взгляд. Теперь это был взгляд зверя — золотой, бездонный, пронизывающий насквозь. — Ты всё ещё держишь меня на мушке.

— Да.

— И не уберёшь.

— Нет.

— Хорошо, — сказала она, принимая это без обиды. — Что там снаружи?

— Прочёсывают периметр. Ищут слабые места.

— Запасной выход?

— Там решётка, быстро не вскроют.

— Сколько у нас времени?

— Смотря чем они вооружены. Если болгарка — минут двадцать. Если пластид — меньше.

— Я слышу. — Райя прикрыла глаза, полностью уходя в слух. — У них есть тяжёлый инструмент. Слышу лязг металла по насту. И ещё...

— Что?

— Кто-то из них ступил на минное поле.

Кай понял это за секунду до того, как ударила волна.

Он сам заложил ту старую советскую противопехотную мину у главного входа три года назад. Снег давно скрыл её следы, превратив в идеального терпеливого убийцу.

Взрыв был коротким и сухим. Никакого киношного грохота — просто хлёсткий акустический удар, отдавшийся гулом в металлических перекрытиях бункера. За ним последовала доля секунды звенящей тишины, а затем — истошные вопли.

Они одновременно посмотрели на мониторы.

На экране камеры у главного входа клубился серый дым. В этом месиве из снега и копоты метались силуэты. Кто-то лежал неподвижно. Остальные хаотично двигались, ослеплённые и дезориентированные. Синтетический адреналин толкал их вперёд, но лишал способности мыслить тактически.

— Вот твой стартовый выстрел, — произнесла Райя.

Её голос изменился окончательно — стал низким, вибрирующим, полным предвкушения бойни.

— Да, — кивнул Кай.

— Ты прикрываешь.

— Огонь по готовности. Ты работаешь в дыму.

— Свет мне не нужен. — Она потянулась, и в этом движении было столько звериной грации, что Кай на мгновение отвёл взгляд от мониторов. — Дай мне одежду. Выходить голой на мороз — не лучшая идея.

— В кладовке есть запасная куртка.

— Она мне мала.

— Это всё, что есть.

Райя подошла к шкафу, Кай отступил, давая ей свободу действий. Пистолет он опустил, но не убрал. Она натянула куртку — рукава едва доставали до предплечий, ткань трещала на широких плечах. Застегнуть её было невозможно.

— Сойдёт, — хмыкнула она.

— Сойдёт.

Они замерли у гермозатвора. Он — в полной тактической выкладке, с серебром в стволе. Она — в рваной куртке, босиком, вооружённая лишь тем, что скрывалось под её кожей. Снаружи доносились крики боли и ярости.

— Одно условие, — сказала Райя, глядя на гермодверь.

— Слушаю.

— Я работаю по своим правилам. Ты не отдаёшь приказы. Я слышу их лучше тебя, значит, я решаю, кого убивать первым.

— Принято.

— И ты прикрываешь только свою спину. О моей не беспокойся.

— Понял.

— И последнее... Если я начну трансформацию в боевую форму — не стреляй. Это может случиться рефлекторно от выброса адреналина. Это не значит, что я потеряла разум.

— Как мне отличить потерю контроля от рефлекса?

Райя повернула к нему голову.

— Я буду рвать их, а не тебя. Если я повернусь к тебе — тогда стреляй.

— Договорились.

— Кай?

— Что?

— Если я сдохну там — не смей винить себя. Я сама выбрала эту дверь.

— Ты не сдохнешь.

— Ты слишком уверен.

— Нет. Тринадцать обдолбанных мусорщиков — это не та сила, которая способна убить «Второго» высшей категории.

На её лице мелькнуло что-то неуловимое.

— Высшей... — эхом отозвалась она.

— Да.

— Ты знал это с самого начала.

— Знал.

— И всё равно притащил меня сюда живой.

— Мёртвый язык не расскажет секретов.

— Опять прячешься за протоколом, — она едва заметно усмехнулась.

Кай положил руку на рычаг гермозатвора.

Ржавый металл поддался с оглушительным скрежетом. В бункер ворвался ледяной ветер, несущий снежную пыль, запах сгоревшего тротила и ещё один, безошибочно узнаваемый аромат. Кровь на морозе пахнет иначе, чем в тепле — остро, тонко, как горсть старых медных монет.

Райя встала рядом с ним на пороге. Она втянула носом воздух, сканируя пространство так же методично, как радар сканирует небо.

— Двое заходят с запасного. Трое обходят по периметру справа. Остальные барахтаются у главного, в дыму. Один готов, двое — подранки. Десять активных стволов.

— Десять.

— Десять. Те, что на периметре, уже поняли, что рвануло, и стягиваются обратно. У нас секунд тридцать, пока они не перегруппируются.

— Значит, идём сейчас, — сказал Кай, поднимая оружие.

Она посмотрела на него — коротко, но так, словно запоминала каждую черту его лица.

— Постарайся не умереть, — выдохнула она.

В этой фразе не было ни кокетства, ни насмешки. Только первобытная, голая правда.

— Взаимно, — ответил Кай.

И они шагнули в метель.

Снег ударил наотмашь. Тяжёлый, горизонтальный шквал залеплял лицо и мгновенно выбивал воздух из лёгких. Термометр в бункере показывал минус тридцать, но в первые секунды Кай не чувствовал ледяного ожога. Адреналин, раскалённым свинцом пульсирующий в венах, давал короткую фору перед морозом. Это закончится через минуту, холод неизбежно вгрызётся в кости, но этой минуты должно было хватить.

Она растворилась мгновенно.

Кай обернулся ровно через секунду после того, как лязгнул затвор — пустота. Он знал, что она рядом, чувствовал её присутствие на уровне оголённых нервов, боковым зрением уловил смазанную тень, бесшумно скользнувшую вправо вдоль бетонной стены. Но дым и снежная круговерть сделали её невидимой. Она не просто пряталась в метели — она слилась с ней. Это было в её природе.

Он двинулся вперёд.

Дым от мины стоял у главного входа густой, сизой стеной, которую неохотно рвал ветер. Кай опустил визор тактического шлема — жест, вбитый в мышечную память тысячами тренировок. Мир окрасился в серый монохром, на котором тут же вспыхнули тепловые сигнатуры. Восемь красных пятен. Двое уже распластались на земле, быстро остывая. Шестеро хаотично металось в эпицентре взрыва.

Первый выстрел сделал он.

Хладнокровный, выверенный спуск курка. Пуля раздробила плечо одному из стервятников. Не насмерть. Это был холодный расчёт: мёртвое тело пугает, но не дезорганизует так, как живое. Раненый, накачанный дешёвой химией, рухнул в снег и истошно завизжал, захлёбываясь болью. Двое из оставшихся инстинктивно, по-собачьи метнулись к нему, забыв об укрытиях.

Хаос начал пожирать их изнутри.

Кай скользил вдоль стены бункера, вжимаясь плечом в шершавый бетон, используя его как щит. Правый угол открыл обзор на периметр: там сквозь пургу навстречу пробирались двое. Они его ещё не видели.

Хлопок. И тут же второй.

Первый рухнул лицом в наст. Второй ошалело замер, не понимая, откуда пришла смерть.

А потом Кай услышал её.

Не увидел — именно услышал. Это был не грохот выстрела и не человеческий вопль. Короткий, влажный, гортанный хруст ломающихся позвонков и разрываемой плоти. Звук, который издаётся лишь единожды, обрывая жизнь на полутоне. Секундой позже, чуть дальше во мгле — ещё один. В густом дыму метнулась тень: слишком массивная, слишком текучая и пугающе быстрая для человека.

Она работала.

Кай заставил себя отвернуться. Инстинкт оперативника вопил: держи монстра в поле зрения, контролируй угрозу.

Но их молчаливый договор требовал иного. Разум диктовал свои правила: в этом слепом аду она видит и убивает лучше него. Его контроль здесь — лишь помеха.

Он послушал разум.

Правый фланг был чист: двое на его счету, один на её, судя по угасающим сигнатурам. Кай сместился влево, туда, где дым стоял плотнее всего и где визор пульсировал скоплением тепловых пятен.

Пятна стремительно приближались.

Они его засекли.

Первая пуля прилетела справа — неточная, выпущенная дрожащей от адреналина рукой. Свинец выбил крошку из бетона в двадцати сантиметрах над его головой. Вторая ударила под ноги с другого угла. Кай рухнул на одно колено, перекатился за старый, вмёрзший в землю металлический ящик. Его массивности хватало, чтобы укрыть тело.

Три пятна на визоре. Все трое вели плотный огонь на подавление.

Кай замер, вжимаясь в укрытие. Ситуация дрянь. Это был сценарий, который он просчитывал и ненавидел: плотность огня не позволяла даже поднять голову. Через десять секунд кто-то из них догадается обойти его с фланга. На гормонах они не умели думать тактически, но инстинкт стаи гнал их в обхват.

— Центр, — произнёс он.

Тихо, в пустоту шлема. Она была слишком далеко, чтобы

услышать, но он всё равно это сказал.

Тень вынырнула с левого фланга. Бесшумная, словно сотканная из самого дыма. На тепловизоре она отображалась не красным пятном, а ослепительно белым, пульсирующим сгустком жара — температура тела «Второго» в боевом трансе зашкаливала. Она материализовалась в полуметре от крайнего стрелка. Тот даже не успел вскинуть ствол.

Снова этот короткий, жуткий звук.

Второй стервятник резко развернулся. Он нажал на спуск, целясь в неё. С двух метров. В упор.

Кай услышал, как пуля вошла в её плоть.

Это был специфический звук — не звон рикошета от бро-нежилета и не мягкий шлепок в человеческое тело. Глухой, тяжёлый удар, словно кувалдой по туго натянутой сырой коже. Пуля пробила её, но Райя даже не покачнулась. Следующим, неумовимым движением она скользнула вперёд, её пальцы сомкнулись, и стрелок просто перестал существовать как мыслящая единица. Быстро и грязно.

Третий стрелок не выдержал.

Кай поднялся из-за ящика. В визоре последнее пятно стремительно удалялось. Адреналин гнал его прочь от места, где за секунду разорвали в клочья двоих подельников.

Кай плавно потянул спуск, целясь в спину. Пуля ударила под лопатку — не смертельно. Беглец кулём рухнул в снег.

Бой закончился.

Дым неохотно оседал, прибиваемый снегопадом. Кай сто-

ял в центре мёртвой зоны, слушая, как затихают хрипы раненых. Только вой ветра и шорох льдинок по броне. Больше ничего.

— Райя, — хрипло позвал он.

Тишина.

— Райя?

Движение справа.

Она выступила из пелены дыма так же бесшумно, как и исчезла. Куртка на её правом плече была разорвана в клочья — там, куда вошла пуля. Тёмная, густая кровь пропитала ткань и стекала по обнажённой коже вниз, к кончикам пальцев. Она двигалась нормально — ни хромоты, ни слабости, свойственной человеку, теряющему кровь. Просто чуть медленнее, чем в начале.

Её регенерация уже запустилась. Кай видел, как пульсируют и стягиваются края рваной раны на обнажённом плече. Процесс шёл тяжело: остаточный серебряный токсикоз всё ещё отравлял её систему, замедляя исцеление, но плоть уже брала своё.

— Тебя задели, — Кай шагнул к ней, его взгляд прикипел к кровоточащему плечу.

— Не насквозь. — Райя скосила золотые глаза на рану, словно та принадлежала кому-то другому. — Засело.

— Нужно вытащить. Сейчас же.

— Потом, — отрезала она. Её дыхание было тяжёлым, грудь часто вздымалась под распахнутой курткой. От неё ис-

ходил горячий, дурманящий запах крови и животного мускуса. Она вглядывалась в метель, её звериные зрачки то сужались, то расширялись. — Есть ещё один. На северо-востоке, метров триста отсюда. Он залёг.

— Тот, что держался в арьегарде.

— Да. Теперь уходит. И пусть. Он один, без группы, без цели.

— Он доложит остальным.

— Он всё равно бы доложил! Ушёл бы он один или с нами! — Она резко повернулась к нему, её глаза полыхнули янтарным огнём. — Бункер засвечен, Кай.

Она бросила это не как факт, а как ядовитый упрёк. И это была правда. Двенадцать пришли, один ушёл. Их маршрут давно в логах базы. Молчание эфира лишь сузит квадрат поиска. Пройдёт пара часов, и бетонный саркофаг станет главной мишенью для ударных отрядов.

— Я знаю, — глухо ответил он.

— Нам нужно уходить.

— Да.

— Прямо сейчас.

— Да.

Они стояли вплотную друг к другу среди оседающего дыма. Кай не мог оторвать взгляд от её обнажённого плеча, от тёмных капель, падающих на белый снег. Её близость, её горячее дыхание, вырывающееся в морозный воздух — всё это било по оголённым нервам. Между ними искрило высокое,

болезненное напряжение.

— Ты была ранена, — процедил он, делая ещё один шаг к ней, вторгаясь в её личное пространство. — В самом начале. И ты промолчала.

— Я сказала тебе потом, — она вскинула подбородок, её ноздри хищно раздувались.

— Ты могла сказать раньше.

— Мы были в бою! — её голос сорвался, став резким, надтреснутым. Она подалась вперёд, почти касаясь его груди, её здоровая рука дёрнулась в агрессивном, резком жесте. — В бою не скулят о царапинах, пока враг дышит!

— У «Чистых» докладывают о статусе немедленно.

Она замерла. Её лицо исказила гримаса токсичного, болезненного отторжения.

— Ты больше не у «Чистых», Кай! — выплюнула она ему в лицо, её губы искривились в злой, режущей усмешке. — Пора бы уже запомнить.

— Нет, — тихо согласился он, глядя прямо в её пылающие глаза. — Больше нет.

По её лицу скользнула дрожь. Злость на долю секунды отступила, обнажив что-то глубоко уязвимое, но тут же спряталась за маской ледяного контроля.

— Нам нужно собираться, — голос Райи стал сухим и мёртвым. Она отстранилась, грубо разрывая интимность момента. — Бункер продержится два часа, максимум. Потом нас здесь накроют.

— Два часа.

— Уложишься?

— Да.

Они повернулись к гермодвери.

Снег методично, неторопливо засыпал изуродованные тела и багровые пятна на насте. Так Серая зона всегда хорошила свои секреты. Будто сам мир пытался стереть доказательства того, что они здесь были. Что они стояли здесь — вместе. Что была эта ночь, это утро, и этот кровавый бой, ставший точкой, после которой пути назад больше не существовало.

Тринадцать пришли.

Один сбежал.

Они уходили вдвоём.

## ГЛАВА 7: СТАЛЬ И МЕХ

Сборы заняли сорок минут.

В его мире спешка всегда была предвестником катастрофы: в суматохе забытая мелочь на поверку оказывалась той самой ценой, которую платили за право остаться в живых. Кай работал как отлаженный автомат. Он двигался по бункеру методично, вычеркивая пункты невидимого списка: от оружейного сейфа к аптечке, от медикаментов к сухпайкам, затем — к снаряжению.

Она сидела у края стола и просто наблюдала.

Райя не порывалась помочь, а он не приглашал её в свой ритм. Она лишь следила за каждым его шагом с тем жадным, пугающим вниманием, которое у неё всегда предшествовало действию. Девушка сидела, чуть наклонив голову, положив ладони на столешницу и широко разведя пальцы. Пулю из её плеча он извлёк десятию минутами ранее — быстро, почти грубо. Она даже не вскрикнула, лишь смотрела в стену остекленевшим взглядом, пока её регенерация обволакивала стальной пинцет, словно та инородное тело. Свинец засел неглубоко, не задев кость.

Она съела три банки тушёнки подряд. Ела жадно, без пауз, не пользуясь приборами. Метаболизм «Второго» после снятия серебряных супрессоров требовал колоссальных объёмов топлива: заживление раны и внутреннее восстановление

сжигали резервы организма быстрее любого марш-броска. Кай молча выставил перед ней ещё две банки и положил их в её рюкзак — старый, найденный в недрах кладовки, но ещё крепкий. Она проследила за его руками, но не произнесла ни слова благодарности. Просто забрала вещь.

Это было их новое «соглашение».

Своё снаряжение Кай подгонял последним. Привычная тяжесть разгрузки, пистолет в кобуре, нож на голени. Он выудил планшет, сунул его в боковой карман и снова посмотрел на часы. Тиканье было неровным. Трещина на стекле преломляла свет, а механизм иногда словно спотыкался, пропуская долю секунды. Этот сбой в идеальном приборе раздражал его почти физически, но прибор работал.

Он оглядел бункер в последний раз.

Три тусклые лампы заливали комнату болезненным жёлтым светом. Клетка с распахнутой настежь дверью теперь казалась нелепым памятником его прошлому. Разобранный матрас, пустые полки. Три года он возвращался сюда, как в нору. Это было единственное место в Серой зоне, где тишина не была предвестником атаки, потому что он наполнял её своими ритуалами: чисткой оружия, запахом дешёвого чая и звуками старого саксофона в наушниках.

Теперь здесь лежало одно мёртвое тело внутри и двенадцать снаружи. И была она — живая, с глазами цвета расплавленного золота.

Кай вышел и прикрыл тяжёлую дверь. Замок остался от-

крытым — теперь это не имело значения.

— Куда мы идём? — спросила она, когда снег снова хлестнул их по лицам.

— На северо-восток. В восьми километрах есть заброшенная промзона. Подземные уровни и технические коридоры. Там можно залечь на дно на пару дней.

— Я знаю это место, — Райя прищурилась, вглядываясь в серую мглу. — Завод «Ковчег». Довоенный монстр. Его бросили ещё до Сбоя.

— Бывала там?

— Давно. Моя стая использовала нижние коллекторы как зимнее логово. Там есть огромные цистерны — бетон и земля держат тепло лучше, чем эта твоя железная коробка.

— Хорошо.

— Мин не наставил там? — в её голосе проскользнула холодная ирония.

— Не успел.

— Значит, тебе повезло, что я знаю тропы.

Это не было вызовом — просто сухая констатация факта. Кай коротко кивнул.

— Пошли.

Они нырнули в белую стену.

Восемь километров по Серой зоне в тридцатиградусный мороз — это был вызов даже для подготовленного оперативника. В учебках «Чистых» их натаскивали на марши с полным пакетом электроники: спутниковая навигация, теп-

ловые маркеры, кислородные системы. Здесь всё это превращалось в мусор.

Оставалась только ярость природы. Ветер бил наотмашь, снег забивал глаза, а деревья-мутанты по краям тропы походили на скелеты гигантов. Обледеневшие ветки лопались с сухим, резким треском, напоминающим пистолетные выстрелы.

Она шла впереди.

Это произошло естественно, без лишних слов. Райя двигалась так, словно видела тепловые нити самой земли. Кай следовал за ней, выдерживая дистанцию в семь метров. Достаточно, чтобы видеть её силуэт в метели, и достаточно, чтобы успеть вскинуть ствол, если она решит обернуться против него.

Через двадцать минут он включил тепловизор. Видимость упала до нуля, и прибор стал единственным окном в реальность. В окуляре Райя выглядела ярко-белым, пульсирующим сгустком жара. Она была горячее любого человека; её метаболизм буквально выжигал пространство вокруг неё, согревая её плоть в этом ледяном аду.

Он смотрел на это белое сияние и ощущал странное, неуместное беспокойство, которое тут же подавлял.

Каждые несколько минут она замирала. Не для отдыха — она слушала. Райя поворачивала голову с точностью поискового радара, ловя сигналы, недоступные его датчикам. Пару раз она резко меняла курс, уводя его в сторону, и Кай под-

чинялся без лишних вопросов.

На третьем километре её кулак резко взметнулся вверх.

Кай замер, палец мгновенно лег на спусковой крючок.

Она стояла неподвижно около минуты, впитывая звуки метели. Затем медленно перевела взгляд влево, в гущу мёртвого леса. Опустила кулак и показала два пальца: «Вперёд, но тихо».

Они миновали этот участок по широкой дуге. Только когда Райя снова ускорила шаг, Кай заметил в тепловизоре тепловой след на снегу — огромный, смазанный, но всё ещё фонащий остаточным теплом. Стая. Прошли совсем недавно.

— Кто это был? — негромко спросил он, когда они вышли на открытое пространство.

— Северная стая Горальта. Я знаю их почерк. Они не тронут, если не учуют запаха погони за спиной.

— Ты так уверена?

— Горальт — старый, злой кобель. — Она не оборачивалась, и её голос едва пробивался сквозь вой ветра. — Три года назад я едва не вырвала ему горло в драке за территорию. Он проиграл, но выжил. Такие, как он, уважают силу больше, чем ненавидят врага.

Кай промолчал, обдумывая эту дикую, но кристально ясную логику.

Завод «Ковчег» возник из пелены внезапно — исполинское кладбище машин и бетона. Ржавые скелеты цехов уходили в небо, а стены были покрыты серым, костяным мхом,

который на морозе становился твёрдым, как броня. Ворота, сорванные с петель, напоминали челюсти павшего зверя.

Райя вошла внутрь, не сбавляя темпа.

Внутри главного нефа ветер стих. Сквозь дырявую крышу падали столбы тусклого света, освещая ледяную корку на полу. Эхо их шагов множилось, отражаясь от пустоты огромных залов.

— Тихо, — бросила она, и её голос загулял под сводами.

— Вижу. Тепловизор чист.

— Здесь нет живых. Пока нет.

— Хорошо.

— Не расслабляйся, — она вела рукой по обледенелой стене, словно считывая историю этого места кожей. — «Ковчег» коварен. Здесь стены имеют уши.

— Что ты имеешь в виду?

— Геометрия шахт. Здесь гуляет инфразвук. Шепот у входа может отозваться грохотом на нижних ярусах. И наоборот. Слышишь одного — а враг уже за спиной.

— Скверно.

— Это можно обернуть в свою пользу. — Она остановилась у провала лестницы, ведущей в бездну. — Идём вниз. Там цистерны и тепло. И есть пути отхода.

Металл ступеней жалобно стонал под их весом, но держался.

Нижний уровень встретил их могилой тишиной. Воздух здесь был другим: густым, неподвижным, пропитанным

запахом окисленного железа и сырости. Здесь не было снега, лишь тонкая корка льда на полу. Кай включил фонарь. Луч выхватил бесконечный коридор, уходящий во тьму, и переплетения толстых труб под потолком.

Райя двигалась в полной темноте так же уверенно, как при свете дня.

— Налево. Третья дверь.

За дверью оказалась старая насосная станция. Четыре массивных агрегата из нержавеющей стали стояли вдоль стен, словно спящие стражи. Здесь было значительно теплее — земля вокруг стен служила естественным изолятором.

— Здесь останемся, — она обвела комнату взглядом. — Насосы закроют обзор, если кто-то войдёт.

Кай скинул рюкзак, и тот с глухим стуком упал на бетон. Он методично обследовал помещение лучом фонаря: окна заварены, вентиляция заглушена. Надёжно.

— Нам нужно осмотреть верхний сектор, — Кай проверил пистолет. — Могут быть схроны или... незванные гости.

— Могут быть те, кого ты не захочешь встретить.

— Именно поэтому мы пойдём вместе.

— В этих коридорах «вместе» — это мишень, — она качнула головой, и её золотые глаза хищно блеснули в свете фонаря.

— Ты идешь у стены. Я — в метре позади и чуть левее. Ты — мои уши и нос, я — твой палец на спуске. Поняла?

Райя на мгновение замерла, обдумывая тактику. Её гу-

бы тронула едва заметная, почти сексуализированная улыбка — ей нравилось, когда он переходил на язык силы.

— Ладно, — выдохнула она, подходя ближе. Её дыхание коснулось его щеки. — Но стреляешь только по моей команде. Твой рефлекс здесь бесполезен: в этих стенах пуля ricochetit непредсказуемо. Одно неверное движение — и мы оба трупы.

— Я в курсе.

— Тогда не нажми на спуск раньше времени, оперативник.

Они бесшумно выскользнули обратно в холодную тьму коридора.

Первый технический коридор заглатывал их медленно, словно бетонная кишка старого чудовища. Ширина едва достигала полутора метров — пространство, не прощающее лишних движений. С потолка свисали ржавые гирлянды труб, заставляя Кая идти в полуприклоне, ощущая кожей близость холодного железа. Райя же двигалась с пугающей грацией, идеально вписываясь в тесную геометрию подземелья; её макушка почти касалась перекрытий, когда она выпрямлялась.

Тьма здесь была абсолютной, осязаемой. Узкий конус фонаря выхватывал из небытия лишь три метра пространства, в которых Райя то вспыхивала ярким силуэтом, то вновь растворялась, оставляя после себя лишь звук дыхания. Идти

за ней в таком темпе, доверяя чужому чутью в слепой зоне — это было тактическое самоотречение. Кай ловил себя на мысли, что верит не женщине, а зверю внутри неё, чьи инстинкты сейчас работали на порядок совершеннее любого армейского сканера. Это новое чувство — доверие на грани фола — пульсировало в висках вместе с адреналином.

На третьем повороте она замерла так внезапно, что Кай едва не врезался в её спину. Его тело с резонировало мгновенно: мышцы окаменели, палец замер на спусковом крючке. Райя не оборачивалась. Она лишь медленно отвела руку назад, выставив ладонь — приказ замереть. Следом пошёл другой жест, хищный и точный: кто-то впереди.

Они застыли. Секунды капали в тишину, как тяжёлая кровь. Райя медленно подняла два пальца, указывая на массивную дверь справа, а затем опустила один вниз — цель на полу. Кай бесшумно скользнул ближе. Тепловизор здесь был бессилён: слои металла экранировали любое излучение, превращая экран в серый шум. Оставался только её слух. Райя показала три пальца, а затем резко отвела ладонь в сторону. Трое. Неподвижны.

Он встал у косяка, чувствуя холод бетона через куртку. Райя заняла позицию напротив. Короткий кивок — и она вышибла дверь ногой, врываясь в комнату без тени страха. Луч фонаря вспорол темноту, как скальпель.

Двое лежали в изломанных, неестественных позах. Смерть забрала их быстро, не оставив времени даже на пред-

смертную судорогу. По характерным обносам Кай узнал «Стервятников». Третий был ещё жив. Он лежал на боку, судорожно прижимая окровавленные ладони к распоротому животу. Его дыхание было рваным, с тем самым влажным присвистом, который не оставлял сомнений — до конца осталось несколько часов.

Раненый вскинул голову, ослеплённый фонарём. Дрожащая рука нашарила пистолет, пытаясь навести ствол на Кая, но пальцы, соскальзывая с рукояти, больше не слушались хозяина.

— Ты не успеешь, — голос Кая прозвучал ровно, как щелчок затвора.

Раненый замер. Его взгляд метнулся за плечо Кая, туда, где в тени стояла Райя. Её золотые глаза горели в полумраке недобрым, хищным светом. Она не двигалась, не угрожала, но от её присутствия воздух в комнате казался наэлектризованным до предела. Стервятник медленно разжал пальцы, и оружие со стуком упало на бетон.

— Что здесь произошло? — Кай шагнул ближе, не опуская ствол.

— Уходите... — прохрипел раненый, и изо рта у него толкнулась тёмная струйка крови.

— Говори, что случилось.

— Уходите... — он зашёлся в сухом кашле, корчась от боли. — Корпорация... они уже в зоне. Мы были только первыми. Они идут следом.

Кай похолодел.

— Когда?

— Вчера... пришёл сигнал. Отряд «Гончих» ... заходят с северо-запада. Бегите. Здесь будет бойня.

— Сколько их в отряде?

— Не знаю... «Гончие» ... — это слово он выдохнул с таким суеверным ужасом, что Каю на мгновение стало не по себе. — Это не люди. Это...

Договорить он не успел. Сознание покинуло его, оставив лишь хриплое, затихающее дыхание. Кай ещё секунду смотрел на умирающего, а затем подобрал с пола планшет в усиленном корпусе. Не их уровень. Гравировка на крышке подтверждала худшие опасения — армейский образец. Чистильщик сунул его в карман и вышел в коридор.

— Слышала?

— Слышала.

— «Гончие».

— Да, — Райя всматривалась в черноту коридора, её ноздри хищно подрагивали. — Это паршиво, Кай. Нас загонят.

— Знаю. Нужно убираться, но сначала зачистим верхний ярус. У нас максимум полтора часа.

— Тогда не стой столбом. Двигай.

Она сорвалась с места первой, её движения стали ещё более резкими и стремительными.

Верхний уровень встретил их запустением, но кое-что удалось выудить. В восточном крыле Кай вскрыл ящик с по-

меткой «Технический резерв». Улов был скромным: карбидные горелки, мотки проволоки и пара ключей. В соседнем отсеке нашлись аварийные пайки. Несмотря на годы просрочки, вакуум сохранил их съедобными.

Райя же нашла воду. Она вела его к северному карману так уверенно, словно видела карту сквозь стены. Старая цистерна была полна ледяной, почти обжигающей воды. Пройдя через вековые угольные фильтры, она была чиста, как слеза. Кай наполнил все фляги, чувствуя, как холод просачивается сквозь перчатки.

Возвращаясь через западный коридор, Кай заметил что-то возле тел «Стервятников». Он наклонился и поднял не электронный гаджет, а бумажную записную книжку в кожаном переплёте. Дневник. Кожа обложки была настолько истёртой, что казалась человеческой. На первой странице чернело имя. Чистильщик. Оперативник Службы Контроля.

Он открыл наугад, и слова ударили в самое нутро: «День восемьдесят четыре. Я забываю вкус слов. Не с целью, а просто — с людьми. Иногда лаю на стены, проверяя голос. Слова стали короткими, как выстрелы. Я вырезаю из них всё, кроме фактов. Деграция? Нет, экономия. Или это одно и то же?»

Кай перелистнул страницу: «День сто двенадцать. Видел „Второго“ у реки. Совсем малёк, смотрел на меня без злобы. Я держал его на мушке пять минут. Он не убежал. Просто смотрел. Я не выстрелил. В протоколе — „уничтожить“, а я опустил ствол. Не знаю почему. Одиночество делает из нас

зверей быстрее любого вируса. Просто у этой мутации нет когтей».

Кай захлопнул дневник. Тяжесть книжки в руке казалась непомерной. В коридоре стояла тишина, нарушаемая лишь мягким, ритмичным шагом Райи где-то впереди. Теперь он чувствовал её постоянно, как фантомную боль, как единственную точку опоры в этом рушащемся мире.

«Одиночество делает из нас зверей...»

Он сунул дневник в карман. Этот мертвец писал про него. О том, кем Кай был до того, как в его жизни появилась эта золотоглазая угроза. О том пустом механическом тиканье, которое он принимал за жизнь.

Райя вышла из тени, неся какие-то железки.

— Это всё, — она бросила детали к его ногам. — Запчасти. Могут пригодиться, если придётся что-то мастерить.

— Хорошо, — Кай не сводил с неё глаз, пытаясь разглядеть в ней то, о чём писал Чистильщик. — Нашла что-то ещё?

— Есть кое-что, — она помедлила, и её голос стал вкрадчивым, почти опасным. — На нижнем уровне, в цистерне... там старые следы. Кто-то жил здесь месяцами.

— Стервятник?

— Нет. Одиночка. Всё слишком чисто, слишком методично для этих торчков на гормонах. — Она сделала шаг к нему, её лицо оказалось совсем близко. — Совсем как ты, Кай. Такой же правильный.

— Он ушёл?

— Год назад. Может, сдох, а может, нашёл нору получше,

— она пренебрежительно пожала плечами.

Кай коснулся дневника в кармане.

— Понятно.

Райя прищурилась, её взгляд стал острым и колючим, как осколок стекла. Она мгновенно уловила перемену в его настроении.

— Ты что-то нашёл. Показывай.

— Дневник.

— Чей? — в её голосе прорезались истеричные, ревнивые нотки. Она терпеть не могла, когда у него были секреты, не связанные с ней.

— Чистильщика. Одного из тех, кто был здесь до нас.

— И что там? Слюни по былой жизни?

— Он писал об одиночестве, — Кай смотрел мимо неё. —

О том, как оно выжигает человека изнутри.

Райя замолчала. Её дыхание участилось, грудь под плотной тканью куртки вздымалась неровно.

— И ты с ним согласен? — спросила она наконец, и в её голосе послышался болезненный упрек. — Тебе тоже со мной... одиноко?

— Не знаю. Может быть.

— Твоё «может быть» — это всегда «да»! — вскинулась она, её пальцы судорожно сжались, едва не впиваясь в ладони. — Ты вечно в своей раковине, Кай! Вечно смотришь на

меня как на объект в прицеле!

Она смотрела на него долго, тяжело, а затем резко отвернулась, подавляя вспышку.

— Идём вниз. Там безопаснее. И нам нужно решить, что делать с «Гончими».

— Согласен.

— А о дневнике мы ещё поговорим. Не думай, что отделеешься молчанием.

— Как скажешь.

— Идём! — отрезала она и почти бегом бросилась к лестнице.

Они работали идеально, как детали одного часового механизма, хотя никто бы не посмел назвать это партнёрством. Кай открывал проходы, Райя первой просачивалась во тьму. Он держал свет так, чтобы она видела тени, она вела его по звукам, недоступным человеческому уху. Это не была координация двух людей — это работала единая боевая система.

В четвёртом коридоре нижнего уровня они наткнулись на авангард.

Райя почувствовала их первой — по запаху оружейного масла и чужому теплу. Кай слышал шаги: тяжёлые, уверенные, но слишком осторожные для обычных бандитов. Трое в тёмных комбинезонах, обвешанные снаряжением.

Авангард «Гончих».

Кай разглядел нашивку на плече ближайшего, когда луч фонаря на миг зацепил ткань. Синтетическое серебро. Ме-

таморфная защита.

Райя уловила, как сбился его ритм.

— Двое справа, — выдохнула она ему в самое ухо. Её голос был горячим и влажным.

Кай едва заметно кивнул. Третий шёл прямо на них, в семи метрах. В темноте его налобный фонарь казался яркой звездой, ослепляющей владельца для всего, что находилось за пределами светового пятна.

Райя растворилась в темноте мгновенно. Кай потерял её след — её температура слилась с жаром труб. Он остался один против троих.

В узком пространстве огонь был лотереей. Серебряная защита «Гончих» могла выдержать прямое попадание, а рикошет в бетонном мешке не выбирал целей. Нужно было бить наверняка — в горло или суставы.

Кай выбрал тишину. Он выключил фонарик.

Мир схлопнулся. Оперативники замерли, ошеломлённые внезапной потерей ориентира. Этих двух секунд хватило. Справа раздался влажный, хлюпающий звук, за которым последовал глухой удар тела о пол. Райя работала со звериной быстротой. Секундой позже — второй удар, ещё тише.

Третий боец успел среагировать. Он резко развернул свет вправо, скидывая автомат. Кай выстрелил из темноты — точно в запястье. Раздался крик, оружие со звоном отлетело в сторону. Человек попятился, но из тени уже выросла Райя. Она не стала его рвать — просто перехватила горло мёртвой

хваткой, отключая сознание профессиональным давлением на артерию.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.